

Юрий Енцов

Охота на единорога

Восточное приключение

Юрий Енцов

Охота на единорога

«Издательские решения»

2014

Енцов Ю.

Охота на единорога / Ю. Енцов — «Издательские решения»,
2014

Восточное приключение. Следы, оставленные когда-то Гауфом, унесены ветром и слегка затоптаны нынешними. Все это могло бы стать серьезным препятствием для меня, автора, но никак не для моего приятеля и героя. Это некий сорока трехлетний потомок первой волны русской эмиграции Сергей Хацинский. Русский европеец, скромный историк искусств, он не женат, живет с мамой. Они недавно продали квартиру, так как Хацинский старший, оборотистый торговец антиквариатом – умер некоторое время назад. Действие этого романтического детектива начинается 28 февраля 2003 года в часа четыре пополудни. Сергею предлагают съездить в Ирак и привезти старинную рукопись. Вторую часть, первая уже изучена европейскими исследователями. Это предложение поступает в письме от японского ученого по имени Фон Це, о котором вы наверняка что-то слышали и бывшего британского дипломата Джорджа Абрамса. Его-то вы точно не знаете. На самом деле это два пожилых авантюриста, которые возможно поехали бы и сами, но – возраст...

© Енцов Ю., 2014

© Издательские решения, 2014

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	24
Глава 6	29
Глава 7	33
Глава 8	37
Глава 9	42
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Охота на единорога

Юрий Енцов

© Юрий Енцов, 2014

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Часть первая

Глава 1

—...Eh bien, mon ami. Téhéran et Kaboul ne sont plus que des apanages, des propriétés, de la famille américain président Bucshe. Non, je vous préviens, que si vous ne me dites pas, que nous avons la guerre, si vous vous permettez encore de pallier toutes les infamies, toutes les atrocités de cet Antichrist (ma parole, j'y crois). Les deux. Je ne vous connais plus, vous n'êtes plus mon ami, vous n'êtes plus mon demi-frère, comme vous dites...¹

Мать говорила с кем-то по телефону. Сергей тихо, стараясь не привлекать особого внимания, прикрыл дверь, отпертую своим ключом. Все было как обычно, и даже эта последняя сказанная ею фраза, вызвала ощущение déjà vu, «дежавю». Он это уже слышал где-то, или читал?

Оказывается, Татьяна, разговаривавшая по телефону, была к тому же не одна. Проходя, он увидел в дверной проем черноволосую женщину и поздоровался:

– Bonjour madame.

– Бонжур, Серёженька! – быстро ответила гостья, – вы меня не узнаете?

Женщины пили чай в небольшой, обставленной старинной мебелью комнате. Его мать, высокая, статная, со снежно-белой, подсиненной прической, и ее подруга, видимо, москвичка, небольшого роста с пышными кудрями до плеч. Мать прикрыла телефонную трубку рукой и прошептала:

– Маша приехала!

– Здравсьте! – сказал Сергей.

– Мой сын и единственная гордость, Серж, – сказала Татьяна, подставляя ему щеку для поцелуя.

– Мы виделись в Москве, – подхватила в ее тоне гостья, улыбаясь. Ей было на вид около пятидесяти, подумал Сергей, взяв ее пальцы и склонившись с высоты своих ста восьмидесяти сантиметров над маникюром. Впрочем, это ведь ему – по виду около пятидесяти, хотя в этом году должно исполниться только сорок три.

– Как ты доехал? – спросила мать.

– На метро, – ответил он, снимая свое старенькое, некогда сиреневое, а теперь просто серое шелковое кашне. – Очень удобно. Мне без пересадок, по голубой ветке.

– Он оставил машину бывшей жене, – пояснила мать с сарказмом в голосе.

– У нее дети, – объяснил Серж не вполне уверенно, – дочь и племянник.

– Чей племянник? – спросила мамина подруга, вертя головой, поочередно глядя на Сержа и Татьяну.

– Сын ее сестры, – пояснил он. – Они через пару месяцев уезжают в Торонто. К этой ее сестре. И Николь – вернет мне машину.

– Ну конечно! – «прошипела» Татьяна, между своим телефонным диалогом, – она ее может vendre pour une bouchée de pain арабам за двести евро, – а машина новая, ей всего-то лет пять.

– Вы давно из Москвы? спросил Серж.

---

¹ Ну, что, мой друг, Тегеран и Кабул стали не больше, как поместьями семьи американского президента Буша. Нет, я вас предупреждаю, если вы мне не скажете, что у нас война, если вы еще позволите себе защищать все гадости, все ужасы этого Антихриста (право, я верю, что он Антихрист). Оба. Я вас больше не знаю, вы уж не друг мой, вы уж не мой названный брат, как вы говорите.

– Уже целую неделю, – ответила она. – А до этого еще неделю прожили в Греции, лазили на гору Геликон с ключом Иппокреной. Он по-прежнему течет.

– А, – сказал Серж, кивнув, – я думал, вот только что.

Серж поднялся к себе, в бывший кабинет отца. Он оставил дверь приоткрытой и слышал, как мама рассказывает: «У него своеобразный характер, с такими перепадами. Он то чувствительный, sentimentalный, как я; то жестокий, беспощадный, это – от его восточного родителя».

Многое в жизни он потерял от этой своей нерешительности и вялости. Всегда все пропускает. Внушает себе мысль о необходимости жертв. Это я считаю глупо. Пытается наверстать, добиться своего, но получается – все хуже. Ему уже сорок. Не смотря на склонность к дурным привычкам, пока он выкручивается из любых ситуаций. Это у него от Эдуарда, того ведь тоже многие не любили, царствие ему небесное».

– Все правильно, – тихо сказал Серж, – все правильно. Милости хочу, а не жертвы.

Сергей приоткрыл окно, высунулся наружу на совершенно весеннюю улицу, хотя по календарю было только 28 февраля. Капли воды с крыши упали ему на пордевшую макушку, напоминая о предстоящем марте.

Невольно он мысленно полемизировал со словами матери. Сейчас это было единственное занятие. Он чувствовал пустоту, одиночество и не знал: надолго ли это? Хорошо понимая людей, он не ощущал в себе способности – передать им свои чувства. Они как бы не замечали его: смотрели на него, но видели – словно кого-то другого.

Да, скорее всего, он может испытывать симпатию только к тем, кто в этом остро нуждается, к несчастным. Раньше считалось, что это чувство имеет возвышенный характер? Однако, возвышаясь, мы – опускаемся в этом мире. Ему искренне хотелось что-то сделать для Николь, и ее дочки. Но почувствовать нормальную влюбленность он не в состоянии.

Он подошел к компьютеру, нажал на клавишу, чтобы посмотреть электронную почту. Было новое сообщение из University in Tokyo, Japan. Писал некий профессор Fon Tse. Серж сразу послал текст письма распечатываться на принтер, читать его сейчас – совершенно не хотелось.

Серж спустился вниз, накинув бывший отцовский халат, который тот так и не успел поносить. Присел к столу.

– Он, как и Эдуард стремится заточить свою избранницу в клетку, – сказала мать. – В золотую клетку, из прутьев его обожания, но любые проявления свободолюбия будут пресекаться, француженки это не оценивают.

Серж знал про необузданное воображение матери, она любила заниматься необычными проблемами, интересоваться особыми областями искусства, все у нее было – чуть-чуть преувеличено.

– Как умеем, так и живем, – сказал Серж. – Женщина хочет жить своей жизнью, а мужчина своей, и каждый старается свести другого с правильного пути. Один тянет на север, другой на юг, а в результате – обоим приходится сворачивать... на восток.

– Это кажется что-то из Шекспира? Жить нужно изящно, воспринимая людей в первую очередь как духовные существа, – положив трубку, произнесла Татьяна патетически, – иначе станешь жестоким тираном, каким был отец... Однако, без Эдуарда – стало так тяжело. Я до сих пор не пришла в себя. И в душевном и в материальном плане. Мы продали нашу квартиру. Перебрались сюда, здесь была его мастерская.

«Как изменились она», – подумал Серж. Они всегда говорили с матерью мирно, ее радовала его жизнь, с отцом так было не всегда. Но ее взгляды всегда в душе раздражали его.

– У тебя есть понимание искусства, – сказала мать, – ты мог бы быть замечательным и неповторимым художником. Эмоции, трагическая любовь они же так полезны для творчества. Но этого не случилось.

– Задумано давно, но поздно начато. Я преподаю в университете, – сказал Серж, оправдываясь, – чего же боле? Я же сын своих родителей. Из трех десятков написанных отцом картин купили... три. Но это не мешало вам, а потом и нам жить безбедно.

– Нам в свое время кое-что оставили родители, – сказала Татьяна.

– Мама, ну я же не налоговый инспектор, – сказал Серж укоризненно и нежно. – Я знаю, что у отца была развита коммерческая жилка. Прекрасно, но мне это не передалось. Он хорошо помогал другим художникам торговать произведениями искусства. В основном покойникам: Рембрандту, Ван-Гоггу, Матису, Он помогал и целым странам избавиться от произведений искусства...

Татьяна изобразила на лице непонимание. Тут раздался звонок телефона.

– Алло, – Серж схватил трубку и отошел к окну.

– Здравствуй, это я, – он не понял, кто это звонит: Николь или Ирэн? Но больше было некому. На всякий случай он сказал:

– Давай оставим все как есть, – и услышал молчанье в ответ.

– Ты знаешь, я, возможно, ненадолго уеду, – сказал он. – Как ты себя чувствуешь? Да, насчет работы. Это, конечно, не самое важное.

– Нам все равно на какое-то время пришлось бы расстаться, – наконец раздалось в трубке.

– Мне это не нужно, – сказал он. Он обманывал. В груди сделалось пусто, и пустота эта расширялась. И слова и молчание были ее равнозначной пищей.

– А в чем дело? – спросил он, – Ты можешь объяснить?

– Какой ты странный. Иногда ты так красиво говоришь. Вспомни, каким ты был.

– Каким же? – любопытствовал он.

– Ты был жестоким и, просто смешным в своей ограниченности.

– Ирэн, – сказал он с облегчением, – давай увидимся.

– Я не могу, – сказала она. – Пойми, не могу.

– И когда закончится это «не могу»? – спросил он.

– Не знаю, – проговорила она, – но я так решила.

– А мое желание? Уже не принимается во внимание? – спросил он с важным видом, изображая, должно быть, жгучую обиду. Кажется, не вышло.

– Слишком много ничего не значащих слов, – сказала она драматически. – Прощай.

– Пока, – сказал он.

До него стало доходить, что все это время она продолжала жить своей, а не только общей жизнью, говорила на своем языке. Стремилась к своей цели. За окном моросил дождь, почти незаметный во влажном воздухе.

Окрестности напоминали фильм, старый, где дождь играл шероховатость пленки, царапины на целлулоиде. Да и телефонный разговор ему мучительно напоминал нечто уже ранее слышимое.

Женщины примолкли, пока Сергей говорил. Они делали вид, что сосредоточено пьют чай.

– Если бы меня спросили, – сказал Серж, – что для тебя самое главное в жизни, я не секунды не колеблясь, ответил: душевный мир, справедливость, красота, гармония. Но – это не более чем благие пожелания. За мир всегда боролись, и это нормально, а справедливость всегда отставали. Справедливы только к тем, кто достоин справедливости. А об тех, кто не достоин – вытирают ноги.

Я и есть тот самый коврик для вытирания ног. Причем коврик положенный некрасиво, не гармонирующий с ногами. Раньше я не замечал всего этого, будучи в душе аристократ. Не замечал, или как-то оправдывал. Я был «выше всего этого». Просто я не догадывался вначале, что если Пушкин сказал однажды «наши поэты сами господа», это не значит...

– Что господа обязательно поэты? – спросила Мариам. – Да-да, вы правы. И вообще, либо Пушкин уже не актуален, либо он многое упустил, или не успел рассказать, он ведь умер молодым, не дотянув, до сорока.

– Пережив его на два с половиной столетия или восемь лет, – сказал Сергей, – я думаю: может лучше быть не аристократом в душе, а бандитом? Хотя бы в душе?

Слабые намеки на взаимопонимание намечались у меня с такими же, как я молодыми людьми, живущими в розовом тумане, стремящимися к традиционной культуре, мягкими, тактичными – не из-за воспитания, а просто оттого, что так для нас проще и естественнее. Однако общение получалось всегда чуть-чуть свысока, как-то, в лучшем случае, манерно. Хотя я очень рано прочел, что «человек человеку волк», но продолжал искать дружбы в смысле честных и равноправных взаимоотношений. Мне казалось, что именно мне повезет. Почему мне должно было повезти?

Простите мне мою болтливость. Болтуны бывают двух видов: те, кого слушают и те, кого не слушают. Последние либо становятся молчунами, либо – профессиональными болтунами, находя подходящее поле для реализации своих мыслей и идей в сфере философии, религии, политики.

– Очень хорошо, говорите, говорите, – поощрила его Мариам, а мать сказала:

– Между прочим, Серж, широкой публике Маша известна как психолог, – сказала Татьяна. – Можно воспользоваться случаем и проконсультироваться у нее.

– Тебе? – Сергей решил сделать вид, что не понял.

– Я этим сегодня только и занимаюсь, – сказала Татьяна. – Тебе!

– Лучше поздно, чем никогда, – ответил Сергей. Они с Мариам улыбнулись друг другу, и Сергей вдруг понял, что насчет «поздно» он поскромничал. Мама с младенчества таскала его с собой, тут в Париже официально, в Москве – подпольно по разным тусовкам. Она была увлеченной посетительницей всяких групп: индийские танцы, эзотерика, медитация, тантрический секс, музыка Битлз, буддизм и права человека – там было все вместе.

– К какому направлению психоанализа вы себя относите? – спросил Сергей.

– У меня есть некий опыт трансперсональной психологии, – ответила Мариам. – По крайней мере, я давно поняла, что моя правда не в советском учебнике психологии.

– За сто с небольшим лет существования научного душеведчества направлений в психологии стало больше чем религий. А как вы вообще попали в психологию? – спросил он из вежливости.

– Я начала свое образование на философском факультете. Там естественно, сдают психологию, но это была тогда кондовая, советская, карательная психология, которая конечно была мне глубоко несимпатична. Но уже в те времена у меня была возможность – получать книги, тогда еще не издававшиеся в России. Потом уже пошел самиздат, и Юнга с Фрейдом мы читали уже в конце семидесятых. Еще в то время в возрасте 27—28 лет у меня были психологические проблемы, связанные с взаимоотношениями с мамой и братом, и я попала к первому в своей жизни психоаналитику.

– Выходит, психоаналитики в чем-то сродни анонимным алкоголикам? – предположил Серж, – те, кто малость подлечился, помогают тем, кто еще слаб.

– С большим удовольствием, – сказал он, хотя слушать Мариам, а тем более рассказывать о себе было скучно, но просто уйти было тоже крайне невежливо, так что оставалось одно: перебить ее словесный поток своим, что ему как преподавателю не составляло труда:

– Ну, я родился в семье художника с искусствоведам, – сказал он. – Так мама? Ведь жена художника не может не быть знатоком. Учился здесь в Париже, потом в аспирантуре в МГУ, на языковом факультете, среди поляков, болгар, латиноамериканцев, арабов, африканцев, было даже два кхмера. А так же украинцы, евреи, сибиряки и просто оголтелые провин-

циалы. Для меня очень важно было поддерживать связь с людьми других культур и традиций, контакты с зарубежными коллегами и приятелями. Начало, согласитесь, неплохое.

Да, характер у меня, наверное, мягкий, покладистый. Это редко помогало мне в жизни. Но от периодических «взрывов», в стремлении самоутвердиться толку было еще меньше. В нашем мире ведь как, нужно быть мягким, но жестким. А если жестким, то мягким – когда и с кем следует. И нужно понимать: когда каким быть допустимо. Так вот я – этого никогда по-настоящему не понимал.

– Мне кажется, что вы редкая семья. У вас такие хорошие взаимоотношения. Тьфу-тьфу, чтобы не сглазить, – сказала Мариам.

– Рождение Сереженьки подстегнуло меня к поиску творческого, конструктивного подхода к решению многих возникающих проблем, – сказала Татьяна. – Может быть, так совпало, что у меня у нас с Эдуардом началось динамичное продвижение к успеху. Этот период помог заложить фундамент дальнейшего роста в карьере, и вообще профессиональных вопросах. Мы были молодые, честолюбивые, оба стремились к лидерству, открыто выражали свои идеи. Хорошо было, помню ощущению силы. Он рисовал, писал каждый день. Были новые начинания, сумасшедшие проекты.

– Где вы собрались поужинать? – спросил Серж, чтобы сменить тему.

– Вообще-то в нашем возрасте не ужинают, – сказала мать.

– Но немного вина в вашем возрасте не повредит? – спросил Серж.

– Вино у нас есть, – сказала Татьяна, – а тебе я могу разогреть в микроволновке трески?

– В это время года в кафе еще пусто и дешево, – сказал Сергей, – я приглашаю.

– Если это из-за меня, то не стоит, – сказала Мариам. – И еще я всегда плачу сама.

– Ну, в таком случае, мама, давай твою треску, – согласился Серж, – а я пойду почитаю: что там мне пишут из Японии?

Глава 2

Письмо было небольшое, но непонятное.

Hello, dear colleague!

Professor Zhjul Laplas, the head of historical faculty of the Average East of your University, advised me to deal with you. Both of us are scientific opponents in occasion of one historical find, the medieval Arabian novel. On his mind it is a dexterous fake. As I had known one more manuscript had been found in Iraq. I wished to go to investigate it, but, unfortunately, my age and illness does not allow me to do it.

I have suggested Zhjul to do it, but he categorically refused. He is afraid to spoil his scientific reputation. Unfortunately here in Japan there are not enough experts in the field of the Average East. I have sponsors on TV, I have an adherent – professor Adams from London, but he cannot go there now either. We suggest you to participate in this project as the expert on the Arabian world.

Sincerely yours,
professor Fon Tse.²

На следующее утро Сергей, держа в одной руке круассан, просмотрел письмо еще раз, но все равно мало что понял.

Он поехал в университет, чтобы там, на месте расспросить обо всем коллегу Жуля.

Серж был очень мрачен. Потому, что – часто бывал мрачен. Он вообще-то угрюмый тип – для окружающих. Для самого себя – просто печальный. Ему было совсем не до работы. Он хотел разобраться в себе. Главным образом понять: почему подруга ушла к другому? Беззубому, но богатому.

Даже не разобраться. А перелистнуть или лучше вырвать эту страницу из своей жизни, чтобы ее вовсе не было. Как оказалось, она ему всё же – не верна. И это долго ожидавшееся (практически со дня женитьбы, если не раньше) событие – его сильно огорчило. Хотя уже целый год от неё воняло другим мужиком. А этот другой как-то на редкость вонюч.

«Окончательный разрыв, – вспоминал он, представляя, что рассказывает все это Мариам, в то время как за окном электрички мелькали парижские виды, – «время ч» семейной жизни случилось в её день рождения, ей стукнуло 34. Накануне от неё всё так же воняло дурной, плохо выделанной мужской кожей. Но – день рождения. Это обязывало. Я купил в магазинчике на площади Пантеона ангелочка. Маленькую раскрашенную фигурку девочки, собирающей в подол платяца звёздочки. А, приехав, домой обнаружил, что дарить подарок – некому. Не было ни её, ни детей, они уехали встречать день рождения к шефу.

Нужно было что-то предпринимать. Я сходил к соседу Валери, попросил его присмотреть за нашей собачкой, рыжей длинношерстой таксой. А сам – поехал к маме в Сан-Тропе. Мне хотелось куда-нибудь. Прочь от оскверненного жилища. Я был очень мрачен»...

На вокзале в тот раз его посадили в полупустой вагон и вскоре к нему вошли двое попутчиков. Как ему показалось. Вскоре выяснилось, что попутчица – будет только одна. Её провожал муж, по виду араб, который никуда не ехал. Пассажирка – уселась напротив. Он читал

---

² Здравствуйте, дорогой коллега! Мне порекомендовал к Вам обратиться профессор Жуль Лаплас, руководитель кафедры истории среднего востока вашего университета. Мы с ним являемся научными оппонентами по поводу одной исторической находки, средневекового арабского романа. По его мнению, это ловкая подделка. До меня дошли сведения, что в Ираке найден еще один список. Я хотел поехать исследовать его, но, к сожалению, мой возраст не позволяет мне сделать этого. Я предложил заняться этим Жулю, но он категорически отказывается. Он боится испортить свою научную репутацию. К сожалению? Здесь в Японии мало экспертов в области среднего востока. Я смог найти спонсоров на телевидении, у меня есть единомышленник в Лондоне профессор Адамс, но он тоже в данный момент не может туда поехать. Мы предлагаем вам поучаствовать в этом проекте, как специалисту по арабскому миру. Искренне ваш профессор Фон Це.

газету и пил пиво. Ей было лет тридцать. Она была небольшого роста, пышненькая, с узким тазом и большой грудью.

Вскоре она развернула бутерброды. Не нужно быть провидцем, чтобы понять, чем станет заниматься сосед по купе, он подумал: сейчас она достанет провизию, и она её достала. Заметив его взгляд, он совсем не был голодным, просто глаза скользили по замкнутому пространству купе, она предложила ему бутерброд. Он вежливо отказался и, в свою очередь, предложил ей чипсы. Она взяла пластиночку и, положив её в свой маленький рот, тихонько пожевала.

Кажется, вслед за этим он произнес дежурную игривую фразу, которую говорил не раз: – Акуна матата?

Конечно же, она не поняла, поскольку не знала суахили. Он этот язык тоже не знал, но фразу «как дела?» – освоил.

Они разговорились. За несколько часов беседы он выяснил, что Ирэн, так звали попутчицу, едет отдыхать. Она замужем, двое детей. Её провожал муж, которого он совершенно не запомнил. Это был крупный черноволосый тип. Во второй части их непродолжительного купейного знакомства, которое прервалось через несколько часов, в тот момент, когда поезд довёз его до Ниццы, он узнал, что Ирэн – не живет с мужем как с мужчиной – уже полгода. Соответственно он ей тоже поведал о самом наболевшем. О том, что бежит от жены в командировку, что у супруги сегодня день рожденья, но они проводят его вдали друг от друга. И совсем не оттого, что так принято в божественных кругах. От боли.

В поезде было довольно холодно. И вообще всё располагало к сближению. Незамысловатое предложение «потрогать замерзшие ладони». Простая идея пересест на её сторону и со смехом помассировать – для того, чтобы согреться – и всю её полненькую фигурку. Он, кажется, стал проще, и люди, кажется, вот-вот во мне потянутся. Ладони у неё были – довольно большие. А когда она целовалась – широко открывала рот.

Поскольку никого больше в купе не подсаживали, а терять ему было совершенно, казалось нечего, всё самое дорогое в жизни – уже потерял, то он перешёл к активным действиям. Впрочем, что значит «активные действия» в его исполнении. Это попытки робкого кролика. Лапая её за все места, пытаясь проникнуть под тугую бюстгальтер, он предлагал ей – обменяться телефонами и встретиться вновь – в более приличной обстановке. Хотя обстановка была – довольно неплохая, в купе они одни. Если бы у неё не вырвалось ироническое: «Ты хочешь, чтобы я сама попросила!», он бы не решился продолжать попытки.

«Никогда я не считал себя „донжуаном“, – подумал он. – Хотя интерес к противоположному полу возник у меня довольно рано, лет в пять, но нельзя сказать, что этот интерес – подвиг меня на какие-то практические действия. Я вообще-то мечтатель. Но просто нам обоим вне зависимости от гражданства и национальной принадлежности вдруг стало жарко. Я осилил таки застёжки лифчика. Нельзя сказать, что впервые. Но это всегда – словно впервые и это мне даётся так нелегко. Её большие груди вывалились из жестких чаш. Я знал, что делать. Знал это уже сорок лет, потому, что первым делом, появляясь на свет, человек делает это. Вот и я – припал к её соскам, большим и тёплым»...

Он вспоминал, как ему и самому становилось всё теплее. Он снял куртку, рубашку. Её ладонь залезла к нему под оставшуюся для приличия майку, и она захихикала. А, нужно вам сказать, что в том сезоне у него кроме «акуна мататы» был ещё один дежурный прикол, он, описывая свою внешность, уделял особое внимание широкой груди, густо поросшей седыми волосами. Так вот, нащупав его кожу под майкой, Ирэн обнаружила там торс, густо покрытый каштановой растительностью, чей цвет она естественно не могла определить в темноте. Он ей рассказал.

Они похихикали вместе, а затем он стал шарить по ней, добираясь до заветного, очень приятного местечка у неё между маленьких пухленьких ножек. Но как он ни старался, никак не мог добраться до знакомого мягкого, теплого и влажного места. Ладонь с шелудивыми паль-

цами – натыкалась на прокладку. Прокладка на каждый день. Она в телевизионной рекламе, она же и здесь!

– Ничего не получается? Правильно, она же на липучках, – прошептала Ирэн. Это было сказано в отместку за обещанный, но необнаруженный «торс, густо заросший седыми волосами».

– Подожди, я тебе помогу, – сказала она и ловко избавилась от прокладки, предоставляя дальнейшее ему.

Дальше уже ничего не оставалось, как соединиться. Он был готов. Судя по всему, и она тоже. А вдруг к ним всё-таки подсадят попутчиков? Он опустил со щелчком специально для этих целей предусмотренную щеколду в левом верхнем углу двери, и дверь, с этой выпирающей щеколдой, стала чем-то походить на него. Ну, всё, теперь им ничего не мешало. Как бы невзначай появилась из портфеля коробочка презервативов. «Штучки» – так их обычно называют женщины. Но сначала он вошёл в неё – безо всяких штучек.

«Я был так благодарен моей новой знакомой, – вспомнил свои ощущения Серж, – с которой столь стремительно сблизился, что сначала поставил её голую между сиденьями и принялся вылизывать то местечко, которое было только что надежно защищено от всех посягательств прокладкой на каждый день. Оно было только самую малость, слегка покрыто мягкими волосиками. Потом я положил её на спину и вошёл в неё. Легко и желанно. В первый, и, наверное, в последний раз я делал это под стук колёс, в полной темноте – как она захотела, только отраженным из окна светом – поблескивали внизу подо мной её глаза»...

Потом они оделись и стали мёрзнуть. А ещё через пару часов поезд подкатил к вокзалу Ниццы. Они обменялись телефонами и расстались. Но он был уверен, что они увидятся еще, поскольку расставаний – вообще не существует.

Так оно и случилось. Он позвонил ей в южную гостиницу. Потом месяц спустя она вернулась в Париж и сама ему позвонила. Они договорились встретиться в кафе.

Он едва узнал ее. Оказывается, ей было не тридцать, только двадцать восемь лет. Она была его на четырнадцать лет моложе. Они стали встречаться. В первый раз это случилось в гостинице.

Выяснилось, что у нее просроченный паспорт и ему пришлось оформлять гостиничный номер на свой. Потом с ними заговорил нахальный швейцар, вымогавший на чай. Она была взволнована. Прятаться, как шпионке было ей очень непривычно. Но зато они, наконец, были одни и даже не в купе поезда. Сначала поднялись в номер, она долго приходила в себя, потом выяснилось, что ней было черное белье, а вообще – минимум одежды.

Но у них было очень мало времени. Он предложил ей успокоиться и прийти в себя уже под одеялом. Ведь именно под одеялом мы прячемся от всех жизненных невзгод. У нее были большие мягкие груди, все тот же узкий таз, и она все так же широко открывала рот. Она должна была поехать на свадьбу знакомых, прикатила к нему прямо из парикмахерской, потом от его прически не осталось и следа...

Но она не смогла добиться оргазма. Он огорчился. Предложил попробовать еще разок, но ей уже нужно было срочно ехать.

– Один ноль, – сказала она ему на прощанье.

Они договорились встретиться в сауне. Это ей понравилось больше. Сауна тоже была сравнительно неподалеку от ее дома. Она выпила немного martinis, он ничего не пил, потому, что был за рулем. Сауна была довольно приличного вида, но в туалете уже лежали коробочки из-под презервативов. Вообще-то считается, что сауну и секс здравомыслящие люди – не соединяют. Но они только чуть-чуть погрелись и занялись любовью. Он шептал ей: «Я люблю тебя». Она ему отвечала: «Я тебя хочу»...

Вот, наконец, его остановка. Он вышел из вагона, из метро, дошел до университета. У входа – группы студентов, через которых необходимо было протиснуться.

Он поднялся к себе на кафедру. Профессор Жуль Лаплас, руководитель кафедры истории среднего востока, его старый приятель беседовал со студентками – предметом их совместного чисто теоретического интереса.

Увидев, его он с ними распрощался и с улыбкой подал Сержу руку:

– Sa va?

Серж протянул ему письмо.

– Ну, это полная чепуха, – сказал Жуль, – я еще двадцать лет назад писал об этом романе. Он интересен только в графе «история подделок». Ну, знаешь эта ваша русская «L'Histoire sur le gйgement Igor» и так далее.

– Он пишет, есть какие-то новые данные, – сказал Серж.

– Ну, какие могут быть новые данные в Ираке? – воскликнул Жуль. – Это же дальняя провинция арабского мира!

– И колыбель человечества. А что за Фун Цы? – спросил Серж, не желая спорить, хотя он тут же вспомнил про Вавилон, Александра Македонского и Насреддина.

– Фон Це? Старичок. Ему лет девяносто. – Сказал Жуль. – Большой эрудит. Он толи китаец японского происхождения, толи японец китайского. Ни там, ни там его не любили. Но он – пережил всех своих недоброжелателей и теперь как священная корова.

– Так что ты мне посоветуешь, съездить туда? – спросил Серж. – Я ведь намеревался лететь в Лаос.

– Не знаю, – ответил Жуль. – Я может быть, и сам поехал бы в Багдад, но у меня плохой разговорный арабский, читаю-то я хорошо, а вот общаться без переводчика практически не могу. Я и с французами в последнее время не могу общаться без переводчика. Боюсь, от меня там будет мало толку.

– Хорошая ученость рождается от хорошего дарования; и надо хвалить причину, а не следствие, лучше дарование без учености, чем ученый без дарования. У меня все наоборот, – сказал Серж, – я читаю с трудом, а говорю как араб.

– Поэтому я тебя и порекомендовал, – похлопал его по плечу Жуль. – Лаосская долина кувшинов она куда не денется.

– А Ирак? – не понял Серж, – куда он денется?

– В Ираке могут быть разные события, – ответил Жуль со значением. – Ну, ты знаешь...

– Да я же не интересуюсь политикой, – сказал Серж.

– Ну не до такой же степени. В общем, сам решай. Я могу дать тебе французский перевод. Предполагалось, что это будет издано, но что-то помешало. Да, кстати, есть и русский текст. То, что сначала научная общественность получила так называемый «русский перевод» и вызвало у всех большие сомнения в аутентичности. Хотя Фон Це считает, что к этому документу имеет отношение ваш Griboedof...

Пойдем, я дам тебе этот манускрипт. Точнее ксерокопию с него.

Он порылся в своем шкафу и вынул пухлую папку:

– Какую тебе, русскую и французскую версию? – спросил Лаплас, – русская еще с «ятями»!

– Ну, давай русскую, – сказал Серж, – это интересно.

Он сел за свой стол и развязал шнурок папки.

Глава 3

«Охота на единорога»

Предисловие

События, описанные ниже, по-видимому, имеют реальную основу. Это именно «события», а не плод легкомысленной фантазии, как может поначалу показаться. Сделать такой вывод заставляют имеющиеся в нашем распоряжении материалы, которые, возможно, историком будут истолкованы иначе. Но специалист их еще не видел. Как и многого в наших архивах. А именно там найдена рукопись, написанная неким российским любителем. Она, судя по официальным пометкам, кочевала сначала из губернского хранилища в областное; потом опять в губернское, но никого не заинтересовала. Только лишь, в результате этих пертурбаций, лишилась значительной своей части. Ныне еще труднее установить имя человека, переведшего с арабского (со значительными, вероятно, вольностями), некий древний текст.

К публикатору рукопись попала случайно. Разыскивались материалы, относящиеся к деятельности видного ученого востоковеда N. N. Ost-a, но руке N. N. она точно не принадлежала. Более того, по ряду признаков можно предположить, что N. N. ее и не видел никогда. Впрочем, этого никто и не утверждает.

Среди переведенного текста имелось несколько страничек арабского пергамента с отметками тем же почерком, что и русская рукопись. Поскольку в разрозненных страницах, которые даже не были пронумерованы, не хватало значительной части, мы взяли на себя смелость утверждать, что полный арабский текст так же – безвозвратно утерян.

Таким образом, представляемое сейчас на Ваш суд повествование, есть систематизированная и весьма незначительно дополненная рукопись, которой возрасту – около столетия. Пергаменту – лет пятьсот. В среднем получается лет триста.

Возможно, кому-то покажется, что для научной публикации больше подошло напечатать рукопись в том виде, как она найдена, лишь упорядочив перемешанные листы, или, в восточной традиции, даже ничего не упорядочивая, пуская по весу: то, что большего объема вперед, а то, что меньшего – во вторую и третью очередь. Но мы для того и даем сей комментарий, чтобы отмежеваться от научности.

Это никак не научная публикация. Не являясь ни арабистом, ни историком, я осмелился ознакомить публику с найденной рукописью в той форме, которая мне наиболее близка. А именно – в литературной.

Тем, кто заинтересуется темой и захочет основательно изучить первоисточник, мы желаем успеха и всего наилучшего.

С уважением, Публикатор

Предполагаемое начало рукописи:

Сие повествование не имеет ничего общего с теперешней жизнью, не содержит намеков на какие-нибудь события. Оно занимательно, и не более того. В этом его ценность.

(Глава первая)

Легко и без сожалений расстанемся с докучной повседневностью и перенесемся ненадолго в отдаленные времена, когда в благословенном всемогущим Аллахом Калистане жил Великий Король Асман ибн Таймур. Солнце тогда светило намного ярче, чем теперь, но поскольку почва повсеместно было еще полна юных сил, то покрывали ее сплошь прохладные леса широколиственных деревьев, в тени которых нищие жители королевства, обреченные

на ужасающую бедность, не чувствовали ее, довольствуясь теми крохами, что перепали им между временем созревания колосьев и, наступающим сразу вослед, временем уплаты налогов. Крестьянство, имея дело со злаками, как это свойственно людям, переняло у злаков их безропотную покорность, и само каждую осень представляло собой род урожая, прилежно убираемый сборщиками налогов. Это положение сложилось в королевстве не сразу, но существовало уже так давно, что было не менее привычно, чем сладкий воздух и щедрое солнце. Никому и в голову не приходило, что может быть иначе, потому, что всегда было так.

И везде было так. В соседних странах происходило то же самое, с той лишь разницей, что там доход, получаемый от труда робких дехкан, шел не Асману, а другим владыкам, менее великим, чем король Калистана.

Так на севере, например, правил некогда Шах Исмаил.

Сборщик податей Абдул, крепкий еще мужчина, про которого никак не скажешь, что он пол века назад опоясался мечем, рассказывал своим подопечным, у которых он добродушно изымал все, что находил (или, все, что хотел, потому что он был человек ответственный и, если бы возжелал, то отобрал бы и в самом деле все – подчистую), он рассказывал им про случившийся пятнадцать лет тому назад удачный поход против Шаха Исмаила.

В этом походе Абдул еще мог участвовать и приносить пользу своей могучей дланью, в которой такими ловкими были меч и палица, топор и секира. И опытом. После того похода опыта прибавилось, но, вот беда, в последнее время приходилось все чаще раскошелиться на знахарей и снадобья. Особенно донимала поясница, застуженная тысячами ночевков на земле. Кроме того, болели глаза, ошпаренные еще тридцать лет тому назад во время безуспешной и бессмысленной семимесячной осады крепости на реке Кабу, где, как предполагалось, скрывался от своего разгневанного дяди, малолетний принц Асман.

Став королем после скоропостижной дядиной смерти, Асман сразу же показал себя мудрейшим правителем. Он построил мавзолей своему умершему родственнику, подобно тому, как дядя перед тем построил мавзолей его собственному отцу – великому Таймуру, – и уничтожил всех дядиных нукеров, до тысяцкого включительно. К счастью для сборщиков налогов Абдула, он никогда не забирался по служебной лестнице выше сотника и поэтому, наверное, теперь мог вспоминать, как в Бишкек приехали гонцы из далекой столицы и, переменяв лошадей, тут же помчались обратно, увозя в попоне седую голову их полковника, лицо которого по-покойнически позеленело, когда еще голова дрожала на хилой старческой шее между острых плеч, в то время как он выслушивал приказ молодого короля. Велеречивый и многословный, он в первой части перечислял многочисленные заслуги старого полковника. Но тот не смог его весь осилить, не дослушал, потому, что он был неплохо образован, а самое главное, опытен и понял по витиеватостям – чем сей приказ кончился. Кроме того, весьма красноречиво выглядела украшенная костью и серебром черная шкатулка с последним подарком короля.

Еще более красноречивыми – были запыленные лица гонцов. Они не пожелали даже умыться – их ждали начальники других отдаленных гарнизонов, куда предстояло везти пергаменты приказов и дорогие ларцы черного дерева.

В отличие от некоторых других земных владык, Асман не предавался со страстью какому-то одному занятию: будь то война, чувственные утехы или наука. Меньше всего, по счастью, его интересовала жизнь населявшего страну народа, ибо в те времена единственным видом общения между правящим и пассивным классами, была экзекуция посредством дыбы и, в лучшем случае, плети. Поэтому правление Асмана считалось потом едва ли не самым благословенным теми жителями Калистана, кто был способен различить смену членов правящей династии, тогда как большинство не ведало, чем рознятся Асман II ибн Таймур от Асмана I – его деда. Или, например, от Асмана III, приходившегося сыном славного короля, о чьей жизни ведется сие повествование, он наследовал трон без всяких неожиданностей, в отличие от сво-

его папы, коему, как здесь уже говорилось, пришлось повздорить со своим дядей Ахматом, захватившим власть после скоропалительной смерти Владыки Таймура.

Асман был, подобно многим в этом не лучшем из миров, вынужден стать мужчиной, взяв в руки настоящее оружие, сразу после игрушек и детских забав, вместо них. Он был лишен юности, но, не пройдя этот, положенный каждому человеку отрезок пути, перескочив его, наверстывал упущенное в течение всей своей жизни, постигая уроки первой влюбленности, когда его сверстники, уже остыв ко всему такому, воспитывали детей. Восхищаясь красотами страны, в которой родился, как бы в первый раз её для себя открывая не в семнадцать лет, а в более позднем возрасте, и вовсе не от избытка чувства прекрасного, а оттого лишь, что не переболел этой отроческой болезнью в положенное время. Правда, и страна была хороша, и он был в ней тем, кого обожали все – и прекрасные женщины в первую очередь, так что быть влюбленным в его положении можно было безостановочно. Он позволял это себе не часто, из чего можно сделать вывод о редкостном целомудрии его души.

Он рано убедился в том, что смертен. Дядя Ахмат, баловавший племянника, когда тот был ребенком, и так неожиданно переменявшийся после того, как выяснилось, что Владыка Таймур живет последние дни, добрый дядя Ахмат, научивший принца охоте на львов, дядя Ахмат – всего только младший брат умирающего короля – ну какое он имел право даже помыслить о единоличном управлении Калистаном? Ведь на то был единственный сын короля Таймура!

Может быть не ему, не дяде Ахмату пришла на ум мысль на всякий случай прислать принцу отравленного инжира. Разумеется, не ему. Потому, что дядя-то хорошо знал, что принц не любит инжир, и если бы Ахмат решил отравить племянника, он приказал бы сдобрить ядом какое-нибудь другое лакомство.

Асман запомнил навсегда тот час, когда он, то ли по какому-то наитию, то ли просто случайно, ведь он ничуть не был обеспокоен тогда, бросил один плод инжира своей любимой обезьянке, она сидела тут же на ковре на позолоченной цепочке; обезьяна была сыта, и Асман бросил ей плод, просто играя, выбрав самый плотный. Но обезьяна из вежливости, чтобы показать свою преданность принцу, сунула плод за щеку, а потом, побаловавшись и поваляв инжир по ковру, слопала. Через несколько минут она забеспокоилась, потом завопила, заметалась на цепочке. Сбежались евнухи и стража, но маленькое существо с налившимися кровью, вылезающими из орбит глазами, никому не даваясь в руки, стремительно кружило и металось по кругу на своей золотой цепочке пока не оторвало ее, и не подскочило к испуганному мальчику – своему хозяину, забралось к нему на колени и там издохло, обхватив лапками, и пачкая кафтан кровавой рвотой и испражнениями.

В тот же день скончался король, а рано утром другого дня, когда город еще спал, главный евнух увез принца по петляющей среди голых холмов дороге в Багдад, их сопровождал только один телохранитель. Потом, спустя годы, евнух умер естественной смертью в должности визиря, его заменяли другие, но после него, как визири-евнухи, так и визири-мужчины уже не умирали естественной смертью. Правда, многие из них были осыпаны милостями и дарами, любили буйные развлечения, а, развлекаясь, – погибали, – то объевшись чем-либо, то упав с коня на охоте. Но тот телохранитель, что сопровождал принца в неожиданном путешествии, когда они все трое, одетые купцами, но на великолепных конях и опоясанные мечами уезжали в Багдад, остался при Асмане телохранителем и после того, как он стал королем. Не тяготился своей должностью, при том, что был близок к Асману как никто, ничего не просил у него, а когда король предлагал ему дары на выбор, отказывался, прося только одной милости – позволения спать на полу у золоченых дверей королевской опочивальни.

Однако, не смотря на эту, казалось бы, явную преданность, усумниться в коей было нельзя, король ему не очень доверял, считая первого телохранителя глупцом. Король сделался осторожным в борьбе за власть, продолжавшейся три с половиной года и закончившейся побе-

дой. Но она изменила и его характер, и тех людей, что находились рядом. Он стал подозрителен. Но, имея трезвый разум, эту подозрительность в себе замечал, и она не поглощала его стремлений, а, наоборот, потихоньку угасала. Исчезнуть ей совсем не давало воспоминание о любимой обезьяне»...

...Да, она ему всегда отвечала: «Я тебя хочу».

Сауна в их отношениях повторилась. На этот раз это была более роскошное заведение, с джакузи. Но вот беда. Оказалось, что, хотя им было приятно общаться, разговаривать, обсуждать что-то, они не совсем подходили друг другу сексуально. Ей не нравились презервативы, и не нравилось быть снизу. Ей хотелось доминировать, и вот, когда она забралась на него сверху, в kloкочущей гидро-массажной ванне, случилось то, что должно было случиться. Она забеременела при счете 4—2.

Серж понял, что перестал читать и опять думает о своем:

Она ему сообщила про свою беременность во время телефонного разговора. «Я ни за что на свете не буду отговаривать тебя рожать», – сказал он. Однако рожать было невозможно, она ведь по-прежнему не жила с мужем. Сразу бы выяснилось, что она этому гордому арабу, не верна. Ирэн пошла на миниаборт.

Сержу казалось странным то, что он, никогда не изменявший жене, вдруг стал встречаться с замужней женщиной? Это было против его правил. Объяснение было только одно. Психическая связь с женой – была сильнее, чем он подозревал. Только тогда когда бывшая жена его «отпустила» он смог найти подругу.

Но он мучился оттого, что сам невольно попал в положения человека разрушающего чью-то семью. После второй сауны он с ужасом обнаружил, что у него на теле появились какие-то пятна! Не СПИД ли это? Он тут же полетел в больницу, но оказалось, что это был нейродермит – нервное заболевание.

Потом их связь медленно сошла на нет. Он пару раз позвонил ей, она все время была занята. Потом по ее мобильному телефону ответил какой-то мужской голос. Он понял, что больше ей не нужен...

Серж понял, что уже не может читать, хотя и смотрит прилежно на страницы, а думает о своем. Опять об одном и том же.

...Было уже около двух часов дня. Текст показался Сергею забавным: «Он стал подозрителен, – прочитал Серж еще раз фразу. – Но, имея трезвый разум, эту подозрительность в себе замечал, и она не поглощала его стремлений, а, наоборот, потихоньку угасала».

Дальше чтение не шло. Он закрыл папку, намереваясь продолжить потом, подошел к компьютеру и открыл свой электронный почтовый ящик:

«Уважаемый профессор Це!

Ваше предложение показалось мне любопытным. Я посоветовался с профессором Лапласом. По всей видимости, я смогу в ближайшее время вылететь в Багдад. Но получится ли у нас сделать это быстро? Я знаком с главным хранителем Национального музея, мы однокурсники. Но власти? Впустят ли меня? Выпустят ли?»

Он нажал на клавиатуре «энтер», письмо направилось в Токио, где в этот момент было за полночь.

Глава 4

Сергей совершенно не был сегодня занят в университете, но и домой ему ехать совсем не хотелось. Он прошелся по коридору и встретил знакомую ассистентку Шарлоту, подошел к ней улыбнулся, она приветливо подскочила к нему, прервав разговор с кем-то, чмокнула в щеку. Она была высокая, почти с него ростом, черноволосая и смуглая:

– Привет Серж, как дела? – спросила она. – Как Николь и дочка?

– Уезжают в Канаду, – ответил он.

– Одни? Без тебя? – спросила она, сделав круглые глаза, он с печальной улыбкой кивнул.

– Извини, – сказала она, пожав ему локоть.

– Да, – сказал он, – я так привязался к дочке.

– Сколько вы были вместе? – спросила Шарлота с интересом.

– Пять лет, – ответил Серж.

– Бедный, – она провела ему смуглой ладошкой по щеке.

– Пообедаешь со мной? – спросил он.

– Мы как раз собирались куда-нибудь пойти перекусить, – сказала Шарлота, показывая на своих подруг: толстую африканку и блондинку похожую на шведку, – пойдем.

– О чем вы говорили, – спросил Серж, подавая ей руку.

– Вечная тема, права женщин.

– Не противоречит ли феминизм материнству? – спросил Серж. – Вот станут ваши будущие дети солидными взрослыми мужчинами, возможно, они же будут «белыми мужчинами», с которыми вы боретесь, добиваясь своего права быть равными с ними? Вы же против засилья белых мужчин?

– Феминизм – это одна из составных частей Декларации прав человека, – сказал толстуха. – И феминистки считают, что миром должны управлять представители разных рас, полов, вероисповеданий и так далее. В этом смысле я считаю, что мои сыновья должны иметь те же возможности прихода во власть. Именно это является правами человека.

– Это Дороти, – представила Шарлота.

– У меня все мужья были нормальными, женщина в семье для них не является кухонной машиной, – сказал другая, блондинка.

– Эмма, – представила Шарлота и продолжила. – У моих сыновей тоже не будет понятий мужской и женской работе по дому. У них не будет проблемы в том, что женщина может быть социально успешнее мужчины, они не будут чувствовать себя никчемными, если их избранницы окажутся на десять голов выше их социально. Это будет такое толерантнее здоровое поколение.

– Судя по тому, что я читал, вы представляетесь мне представительницами ортодоксального феминизма, – сказал Серж.

– Не знаю, что вы имеете в виду, – сказала Эмма. – Может быть, радикальный феминизм? Радикальные феминистки существуют в тех странах, где очень поздно начали голосовать и делать аборт. Вы ведь из России?

– Non. Moi le Français, – сказал Сергей. – У меня французское гражданство. И родился я здесь. Мы жили лет десять в России. Я говорю по-русски. Но мне скучны разговоры о «загадочной русской душе», я их не понимаю. Наверное, это значит, что я стал настоящий русский?

Насколько я знаю, российский феминизм – получил все на блюдечке с голубой каемочкой в 1917 году – право делать аборт и право голосовать.

Более того, российские женщины – самые социализированные в мире, нигде нет 99 процентов работающих женщин. Российская демографическая ситуация дала в нескольких поколениях такой дисбаланс, что поколения моей мамы и бабушки – это поколения, в которых

на трех женщин детородного возраста приходился один мужчина. Поэтому социально они развивались отлично: сидели в тракторах и подъемных кранах. Но их не пускали во власть. То, что здесь называется «стеклянный потолок». Тем не менее, радикальных феминисток в России нет и быть не может.

– Трагедия человечества сейчас заключается в том, – сказала Шарлота, – что миром правят белые мужчины среднего возраста, среднего класса и со средним интеллектом, которые делают весь мир уютным только для себя. Поэтому, как только в политику приходят цветные, женщины, инвалиды, геи, аборигены или представитель малого народа, то политика тут же становится умнее, богаче и более взвешенной, более многовариантной.

Они подошли к кафе, из которого маленький Серж в 1968 году наблюдал «майскую революцию». В Сорбонне тогда начались беспорядки, переросшие затем во всеобщую студенческую забастовку, которая привела к перестройке всей системы французского высшего образования. Он им об этом не рассказал, чтобы они не поняли какой он древний.

Сейчас, тридцать с небольшим лет спустя, здесь был китайский фастфуд.

– Здесь все быстро – никакой очереди – и натуральнее, чем Макдональдс, – сказала Шарлота, – стоит столько же.

Они вошли, перед ними оказался прилавок с разными кушаньями, на которых написана цена за 100 грамм: рис – 1 евро, овощная смесь столько же, свинина в кисло-сладком соусе 1,10, другие мясные блюда – от 1 до 2 евро, креветки 2,5. Китайка достала пластиковый поднос и положила туда указанные продукты. Главное в нужный момент сказать «достаточно».

– Запомните слово «острый», – сказала Шарлота, – для европейского желудка это может быть чрезмерным. В основном блюда вполне съедобные.

Затем все взвесили, посчитали общую стоимость и взяли деньги, Серж попытался расплатиться за обед, но девушки запротестовали. Потом все поставили в микроволновую печь разогреть и на подносе подали на стол.

– Палочки есть, и вилки с ножами тоже. К такой еде лучше идет зеленый чай, который тоже есть в чайниках...

– Про средний интеллект я с вами согласен, – сказал Серж, продолжая не столь уж интересный для него разговор, – а все остальное – умозрительное утверждение.

Фактически в большой политике всегда были и есть женщины, начиная с Клеопатры и заканчивая несколькими европейскими королевами, Индирой Ганди и Беназир Бхуто. Инвалиды: президент Рузвельт был инвалид – колясочник, бывший российский президент Борис Ельцин – по сути дела одорукий, а офтальмолог Святослав Федоров был одноногим.

Геи – мощнейший, влиятельнейший слой, заправляющий сейчас шоу-бизнесом. Аборигены – пришли к власти во всей Африке и во всех бывших советских республиках, в результате там начинает процветать семейственность.

– Если Вы сейчас говорите про расистскую модель, – сказала толстушка, – утверждая, что белые лучше, то нет, не лучше. Такие же.

– Но они лучше умеют самоорганизовываться, – сказал Серж с улыбкой, – хотя хуже играют в баскетбол.

– Кто сказал? – встала на защиту подруги Шарлота, – дело в том, что цивилизованный взгляд на мир состоит в том, что не бывает одного этноса или культуры, которая была бы ценнее и лучше другой. В чьих глазах они самоорганизуются лучше? Только в своих собственных.

– Наиболее спорный сейчас поступок представителей белых мужчин пытающихся управлять миром – сказала Эмма, – нападение Америки на Ирак. Америка дискредитировала не только образ своей страны, но и идею прав человека.

– А они что уже напали? – спросил Сергей с интересом.

– Нет, но все к этому идет.

– Как вы считаете, вам удастся прийти к власти, ведь задача любой партии в том и состоит, чтобы прийти к власти?

– У нас нет задачи прийти к власти. Правозащитники во всем мире не подменяют официальную власть, а являются ее оппозицией. В лучшем случае работают в сотрудничестве с ней, в худшем – воюют. Права женщин – одна из составных частей работы партии Прав человека. Права человека огромны. Они нарушаются на всех этажах власти, на всех этапах, у разных людей, по разным направлениям.

Когда они перекусили и выпили весь чай, Эмма и Дороти сочли за благо удалиться, чтобы оставить подругу вместе с Сержем.

– Заедешь ко мне в гости? – спросил он.

– Сегодня не могу, может в другой раз, – ответила она.

– По-моему, я не очень понравился твоим подругам? – предположил Серж.

– Ты – понравился, – объяснила она. – Хотя они, по-моему, лесбиянки. То, что ты говорил – не очень.

– В любовных отношениях я был несколько непостоянен, зато оригинален. Мне вдобавили, что семья – ячейка общества, и я свое занятие семейными, домашними делами рассматривал как своего рода вклад в общественную жизнь.

Довольно быстро в семейной жизни я сделался консерватор. Я пытался как-то себя реализовать в творческой работе, в коллективе. Стало не до развлечений. Вскоре я начал смутно понимать, что зря надеялся на благосклонность фортуны, у меня начались профессиональные достижения так похожие на полный крах, удача почти не отличимые от фиаско. Нигде я долго не удерживался, часто менял работу, заговорило неудовлетворенное тщеславие. Я лихорадочно делал ставки и проигрывал по жизни. Все мои авантюры были обречены.

– Да суeta на работе, беготня по инстанциям, письма и звонки – это явно не для тебя, – сказал Шарлота.

– Я воспринимал это как тяжкий крест. Но я сам – и был этот крест: тяжелый скучный неудачник, загруженный, как ишак, всякой бессмысленной работой. Мне оставалось только терпение, смирение, в моем униженном положении. Меня отовсюду вытесняли, считали «рыжим».

– Но у тебя неожиданно появилась дочка, – сказала Шарлота. – По-моему воспитывая ее, ты старался вложить в нее как можно больше внутренней свободы и духовной ориентации.

– На самом деле мне и тут было трудно реализоваться, опять не хватало воли, – возразил Серж. – Постепенно меня стала утомлять неустойчивость заработка, зависимость от начальства. В деньгах приходилось то экономить, то разбрасывается.

Мне нравится работать, если дело приносит хотя бы моральное удовлетворение. Порой я даже надрываюсь, переусердствовав, не могу рассчитать свои силы. Но я тогда еще вел здоровый образ жизни, много ходил, питался в рабочей столовке салатами и гарнирами.

Чувствовал, что все это не мое, но что делать. Я плохо переношу какую бы то ни было регламентацию. Поиск своего места под солнцем затягивался. Самое главное я ведь делал это все не только для себя, но и для семьи, но они при этом только мешали...

Они еще немного прошли и у метро нежно расстались.

«По-моему я ей надоел, – подумал Серж. Ему самому Шарлота быстро надоедала, но ехать домой одному было скучно. Он зашел в кондитерскую, купил кое-что к чаю.

Дома Серж опять открыл дверь своим ключом.

– Мне кажется, что вы редкая семья. У вас такие хорошие взаимоотношения. Тьфу-тьфу, чтобы не сглазить, – сказала Мариам.

– Рождение Сереженьки подстегнуло меня к поиску творческого, конструктивного подхода к решению многих проблем, – сказала Татьяна. – Может быть, так совпало, что у меня у нас с Эдуардом началось динамичное продвижение к успеху. Этот период помог заложить

фундамент дальнейших успехов в делах, карьере, и вообще профессиональных вопросах. Мы были молодые, честолюбивые, оба стремились к лидерству, открыто выражали свои идеи. Хорошо было, помню ощущению силы. Он рисовал, писал каждый день. Были новые начинания, сумасшедшие проекты.

– Вы получили понимание, поддержку, похвалы и заслуженные награды, заняли более высокое общественное и профессиональное положение, – поддакнула Мариам. – Это как крупный выигрыш в лотерею.

– Повысилось наше духовное сознание, – сказала Татьяна, – в жизни человека наступают периоды пробуждения. Этапы, после которых все минувшее кажется сном. Мы были и остались привержены религиозным идеям, сохранили щедрость души. Это был прекрасный период для человека искусства. Мы помогали сами и в свою очередь сами получали поддержку. Но при всем при том мы же были самые настоящие идеалисты, очень непрактичные люди, из-за чего успех в представляется сомнительным, слава Богу, хоть все не полетело вверх тормашками...

– Вот я принес вам кое-что к чаю, – сказал Серж. Хлеб из кондитерской. Эклеры.

– О, сказала Мариам, – как раньше в Москве фабрика «Большевик» пекла за 22 копейки!

– Здесь он стоит 2.50, – пояснила Татьяна. Ты нас балуешь Сережа.

– По кусочку разных местных пирогов, и флан, тоже очень вкусно, – сказал Серж.

Он поднялся в кабинет и стал смотреть почту. Сергей не чаял увидеть ответ Фон Це, но японец видно не спал по ночам:

«Очень рад был получить от вас быстрый и положительный ответ.

Я хотел бы переадресовать вас к моему британскому коллеге Джорджу Абрамсу, который в курсе всего. Он ответит на все ваши вопросы, если вы позвоните ему. К сожалению, он, в отличие от меня, не освоил электронную почту. У него есть помощники, которые ею владеют, но сам он предпочитает общаться по старинке, по телефону».

Далее следовал номер телефона в Лондоне.

Он опять спустился вниз, чтобы позвонить. Но сделать это сразу же показалось ему невежливо:

– Так вы практикуете? – рассеянно спросил он у Мариам.

Наша психоаналитическая палитра причудлива, – ответила она. – В России всего два психоаналитика сертифицированы по международным стандартам. Остальные – филологи, журналисты, артисты. Как во всем этом поколении новых в России профессий – полно неофитов. Сейчас уже начали немножко обучать.

Возможность духовного прогресса в мировой цивилизации была, – сказал Серж, вспомнив слова Татьяны. – В то время люди задумались над созданием идеального мира, который даст счастье всем, или же цивилизация погибнет. Надо было использовать момент, чтобы выразить любовь и плодотворные силы.

Многими двигало страстное стремление найти общие этические нормы, осознать, что истинно, а что ложно. Подсознательное стремление искоренить все зло в мире и навести совершенный порядок. Люди испытывают отвращение ко всему нелепому. Но как ни странно, нас часто очаровывает как раз то, что безвкусно, и нередко возникает чувство безнадежности и отчаяния из-за того, как устроен мир.

– Эти внутренние эмоциональные конфликты отражаются на отношении к образу жизни. Большинство людей консервативны и только немногие являют собой противоположную крайность – им нравится быть странными, необычными в манерах, даже неряшливыми. Создается впечатление, что середины между этими двумя крайностями. Обычно бунтарский тип поведения проявляется в молодости, а потом постепенно исчезает, и в более старшем возрасте люди скорее консервативны.

– Не приходилось курить и колоться за компанию? – поинтересовался Серж у Мариам.

– Я пару раз пробовала курить марихуану, ответила она, – но без всякого интереса. К этому моменту у меня был некоторый опыт духовных практик. По сравнению с ними травка казалась детскими игрушками. Хиппи – это ведь образ жизни, а не наркотическая зависимость. У тех людей, которые были хиппи, у них остался этот налет: свободолюбие, свободомыслие, отсутствие стереотипов, отсутствие страха перед неожиданной ситуацией. Но они стареют, новые хиппи уже другие, и старые хиппи их уже за своих не принимают. Меняются условия жизни общества и появляются другие ниши для молодежного бунта.

– В своих детях вы воспитали хиппи, им передалось ваше свободолюбие? – спросил он.

– В возрасте молодежного «отрыва», в 14—15 лет они ходили в абсолютно панковском прикиде, – сказала Мариам, – играли как музыканты тяжелый рок, носили по килограмму булавок на кожаных куртках и кожаных штанах, выбривали головы и красили ирокез в белый цвет. И я смотрела на это с большим удовольствием, хотя все мои подруги просто падали в обморок, говорили: как ты это разрешаешь?

Серж набрал лондонский номер:

– Mister Abrams? – спросил он.

– Yes. I listen, – ответил старческий голос.

– Серж Хацинский из Парижа, – сказал Серж по-английски. – По рекомендации вашего друга профессора Фон Це.

– Очень рад. Вы не могли бы приехать в Лондон? Мои помощники закажут вам билет на самолет, или на поезд, как вам удобнее?

– Мне все равно, – ответил Серж.

– На завтра? – спросил Абрамс

– Давайте на послезавтра, – сказал Серж, взглянув на мать, она кивнула.

– ...Они прелестные ребята, – продолжала рассказывать Мариам, – очень хорошо образованные, один пишет диссертацию по культурологии, другой никак не закончит психологическое образование. Сейчас свое будущее связывают с музыкой, что в общем меня и радует, и не радует, поскольку я прожила 16 лет с их отцом певцом, и знаю, что это такое. Ведь вся его жизни прошла в этой профессии, дети слышали, как папа распевается, ходили к папе на концерты. Он не сделал особой карьеры по причине амбициозности характера. Были годы, когда их очень часто отправляли за границу, их разбивали на пятерки, и все на всех «стучали». Поскольку он был беспартийный и ни на кого не стучал, ему даже не дали заслуженного. У него нормальная судьба артиста, который не был акулой. Но он передал детям и артистичность, и умение держаться на сцене, и любовь к музыке...

– Да-да, – сказал Серж, – любовь к музыке. Это прекрасно. Прекрасно.

Глава 5

На другой день Сержа рано утром разбудил своим звонком Абрамс, извинился и сообщил, что его могут доставить в Англию на частном самолете, с оказией:

– Со своей виллы на Лазурном берегу возвращается один мой русский знакомый, – сказал он, – он согласился сделать небольшой крюк и забрать вас.

– Это удобно? – спросил Сергей хриплым спросонья голосом.

– Вполне, – заверил Абрамс. – Не беспокойтесь, ему только доставит удовольствие лишний раз посетить Париж. Он уже там у вас. Можно ему позвонить вам и договориться о месте встречи?

– Конечно, – согласился Серж.

– Вы ведь говорите по-русски? – спросил он.

– Да, – сказал Серж.

– А то мой друг одинаково плохо говорит на всех европейских языках, кроме родного, русского, – пошутил Абрамс.

После его звонка Серж так и не смог заснуть. Он встал, спустился вниз на кухню, заварил себе кофе. Достал из папки рукопись:

«...Настал момент, когда Асман понял, что серьезных внутренних врагов у него, скорее всего, нет. За наместниками и вассалами следили опытные шпионы, которых он самолично, время от времени, заменял, стараясь при этом не злоупотреблять удавкой, а чаще отправлял этих опытных людей с поручениями в какие-нибудь отдаленные края, противоположные по направлению от того места, где они подвизались в шпионах. И они уезжали, унося в сердце воспоминание о мудром и прекрасном короле; и они блюли его интересы в какой-нибудь далекой стране, где или шли непрерывные тропические дожди, или, наоборот, жуткая стужа полугодовой зимы, при робком коротком лете, мешала туземцам приобрести человеческий облик.

Внешние враги по соседству были слабы, платили дань и сами воевали с более отдаленными народами. Правда, в самом начале правления Асмана на западе государства, где из одного вассального княжества давно не поступало подношений, и в котором постоянно что-то происходило, возникло опять какое-то движение. Как потом выяснилось, – это были полудикие иноверцы, хотевшие толи завоевать весь мир, толи отвоевать клочок приморской, каменистой земли, где совершенно ничего не росло, кроме диких кедров, пригодных разве что для виселичных перекладин. Но это движение как-то само собой скоро затухло. А подношений как не было, так и не появилось.

Но Асман в то время был еще занят укреплением власти в центральных территориях, а потом просто забыл про то приморское княжество.

В его владениях было три моря, одно даже сравнительно недалеко, на север от столицы, дней пять неспешного пути, и рыбу, а также другую морскую живность для королевского стола доставляли. Доставляли и многое другое: фрукты и из садов метрополии, и из других земель привозились купцами, как своими, так и инородными. Вина со всего света, но больше с Кавказа, который был недалек. Там обитали сотни разновидностей одного и того же народа. Этот горный край не годился ни на что, кроме урождения вин, ими особенно славилась земля колхидская, населенная чудовищами и богатырями. Кто там выращивал виноград для благословенного напитка – оставалось загадкой.

Шемахинское вино, наоборот, было плохое оттого, что земли там предназначались для другого – они давали черное масло – нефть, которым можно было заправлять на ночь светильники, и они при этом горят долго и ярко – почти без копоти.

Что касается свежего мяса, сыров и всевозможных специй, то Калистан был богат этим как никакое другое государство мира не было богато со дня сотворения Вселенной Великим

Аллахом, и не будет до того времени, когда уйдет в небытие и Калистан, и другие страны, возникшие на его месте, раздастся звук трубы и шелест крыльев архангела, возвещающего о последней войне всех правоверных, что жили когда-либо в разное время, и которым предстоит воскреснуть в один день с именем Пророка на устах...

Пришло вполне заслуженное Асманом состояние безмятежности. Первое время она действовала угнетающе на короля, энергичного по натуре, да, к тому же, начавшего свою жизнь с обеспечения себя самого и своих, не народившихся тогда еще наследников, престолом.

Но понемногу он привык, увлекся строительством дворцов, заимел несколько красивых наложниц и десятков поэтов. Дабы войско не зажирело, по просьбе воинского начальника устроил небольшой победоносный поход в сопредельное государство. Вылазка закончилась удачно, был даже захвачен тамошний владыка с семейством. Асман его обласкал и обещал снова посадить на трон, но тот король отчего-то быстро зачах в плену и скорпостижно умер неблагодарный. Между тем Асман сдержал слово и посадил на троне его старшего двенадцатилетнего сына, внушив мальчику предварительно, что, мол, и сам он начал править почти мальчишкой. Впрочем, он был в то время по виду не намного старше своего нового вассала. Чтобы юный правитель не наделал глупостей подрастая, Асман оставил при нем опекуна, гарнизон калистанских воинов, да два десятка шпионов.

Потом ему доложили, что невыгодно содержать столько народу в государстве не способном давать прибыль. Асман приказал гарнизон уменьшить наполовину, но зато и дань брать побольше. Потом, спустя несколько лет, была еще война с воинственным Исмаил-шахом, она длилась дольше, и Асману пришлось самому выезжать из столицы ближе к театру военных действий, но и эта кампания завершилась победой.

В треволнениях походной жизни Асман чуть не сделался полководцем: он был удачлив с детства, унаследовав сие качество от отца вместе с природной хромотой, но случилось так, что в самый разгар боев, совершенно случайно он нашел Лейлу.

Раздраженный суматой, Асман ощущал, порой, желание казнить принародно парочку своих генералов. Но он не делал этого, срывая злость тем, что просто сёк бестолковых. Он подозревал, что старается зря, война идет как надо, а видимая бестолковость ей присуща, как любому сборищу негодяев, направлять которых, кроме удачи предводителя, могут только воля Аллаха. И земной уклон – ибо он неравномерен, твердь колеблется на спинах трех рыб и оттого люди стремятся вместе со всем, что есть на земле то в одну, то в другую сторону.

Это была молоденькая крестьянка, каким-то чудом уцелевшая посреди войны с одинаково дикими побеждающими и побежденными, и угодившая с кувшином воды прямо под ноги королевскому коню. В большом селении дислоцировался резервный корпус, состоявший большей частью из малоазиатских добродушных наемников в широких шароварах и суконных фесках. Были тут и абиссинцы – красивые, но совершенно черные мужчины – единоверцы калистанцев, но не признававшие их кожаных панцирей для боя, экипированные доспехами из тростника, с тростниковыми же щитами и с громадными, в длинных жилистых руках, копьями.

Совершенно невозможная здесь со своим глиняным, оплетенным прутьями крестьянским кувшином, девушка как бы материализовалась из невесомой дорожной пыли и, ткнувшись в лошадиную грудь, скользнула по влажному боку скакуна, вскрикнув, выронила кувшин, а сама ухватилась за стремя, за одежду, за ногу Асмана мягкими, но цепкими пальцами. Она тут же зажмурилась, но за мгновение до этого, Асман успел разглядеть ее глаза с синеватыми белками, в которых бездонно чернели расширенные от ужаса зрачки с карей, тоненькой вокруг них радужной оболочкой. И все это сразу исчезло под складчатыми, как дорогая ткань веками и ресницами невероятной длины, к которым отчего-то совершенно не приставала дорожная, окутавшая все пыль, они были влажными и прохладными как ночной мрак. В глазах этих пря-

талась невинность, а ресницы были порочны и походили толи на лепестки черных цветов, толи на крылья сумеречной бабочки.

Асман натянул узду, и первым его движением было, когда конь остановился, наклониться к этому лицу с ресницами и поднять складчатые веки, чтобы увидеть еще раз что-то там, в глубине черных зрачков. Но, протянув к ее глазам руку, он прервал начатое движение на половине, вспомнив, что бабочки требуют осторожности. И решил подождать, пока ресницы поднимутся сами. Но девушка, замершая на его стремени, похоже ни за что на свете не желала открывать глаза и, только ее сердце гулко колотилось о железный наколенник всадника. Король чувствовал в доспехе, что он попал ногой во что-то мягкое и податливое, метал доспехов входил туда плавно, не повреждая.

Наконец, веки дрогнули, зашевелились и начали подниматься. Гарцевавшая вокруг короля свита беспокоилась и ждала распоряжений, телохранители готовы были оттащить девицу, но Асман, не глядя ни на кого, рукой остановил их, а сам продолжал наблюдения за изменениями на юном лице, замершем на уровне его бедра. Он не замечал красиво или нет сие новое лицо, хотя уже видел, что оно обрамлено темно-каштановыми волосами, слегка выющимися и мягкими на вид, что бросалось в глаза среди смуглого, жестковолосого окружения короля.

Щелочка между ресницами, наметившись, сделалась шире, и Асман понял, что не ошибся. А девушка увидела золотой шишак, блиставший на фоне неба и облаков, вокруг которого была обернута светло-зеленая лента шириной с ладонь, ее шелк светился, подобно небесной дали, а свободный конец прикрывал нижнюю часть лица всадника как маска от пыли, оставляя для обозрения только глаза – зеленовато серые, внимательные и спокойные, как глаза пророка – Мухаммеда, или, как минимум, пророка Иссы. В следующее мгновение она почувствовала, что все закрутилось вокруг, она забыла, как дышать. Ее подхватили сильные руки и усадили на круп коня, и она, о Аллах! – уткнулась лицом в мягкую бороду на лице того, рядом с которым можно было бы сразу умереть от счастливого страха. Она и рада была умереть, расставшись с молодым телом, но плоть напомнила о себе тем, что внизу живота у нее что-то незнакомо заболело. Не очень сильно, но стыдно в теперешнем положении между мужских колен, обтянутых скользкими шелковыми шальварами. Боль была мучительной и незнакомой, и вдруг сладко оборвалась кровавой каплей, девушка сжалась, пряча в себе сие новое непонятное ощущение, и была поэтому вынуждена не умирать».

...Его прервала мелодия мобильного телефона, он нажал на кнопку:

– Ало, Серж? – раздался незнакомый голос. – Это Борис.

– Здравствуйте, – ответил Сергей.

– Я готов заехать за вами завтра примерно в это время.

– Хорошо, – согласился он.

– Называйте адрес.

Серж продиктовал:

– Rue la Morgue, у дома номер семь, – сказал он. – Это напротив зеленой кондитерской.

– Понятно. Сегодня вечером мы идем в Мулен Руж, не хотите присоединиться?

– Да нет, пожалуй, – отказался Серж.

– Бывали там? – спросил Борис.

– В Moulin Rouge? Нет, ни разу, – сказал Серж.

– Отчего так? – не унимался Борис.

– Это дорого, – признался Серж, – билет же стоит больше ста евро.

– А у меня как раз пропадает два, – сообщил Борис.

– Да? Тогда я посоветуюсь с мамой, – сказал Серж.

– перезвоните мне.

– Хорошо, – согласился Серж.

Татьяна встретила предложение настороженно, но потом согласилась съездить «прошвырнуться» в Мулен Руж. Мариам, которой она позвонила, тоже с удовольствием составила ей компанию. Сразу возникла проблема что надеть.

Серж набрал номер:

– Але я слушаю!

– Вам составят компанию две дамы: моя мама и ее московская подруга.

– Замечательно.

К назначенному времени у дома остановился черный «Мерседес» с затемненными окнами. Серж держал под руки женщин.

Из машины вышел худощавый человек в явно дорогом, хотя и неброском черном костюме, без галстука, с небрежно расстегнутой пуговицей. Он галантно поздоровался со всеми.

– Жаль, что вы не едете с нами, – сказал он Сержу с улыбкой.

– Расскажите в самолете, как все было, – ответил тот...

Сергей честно пытался дождаться Татьяну, но заснул в кресле у телевизора. Среди ночи его разбудили возбужденные голоса. Он выключил телевизор и, потирая лицо, спустился вниз. Мама в холле со смехом прощалась с Борисом. Мариам с ними не было.

– Борис Абрамович замечательный человек, – сказала мать, и предложила провожающему, – может быть чашечку кофе?

– Нет, благодарю вас, – отказался тот, и сказал Сергею:

– Завтра часиков в десять я за вами заеду...

Наутро он заехал к половине одиннадцатого. С ним в машине был другой русский, который назвался Алик.

– ...Причем здесь деньги? – продолжил с ним Борис, прерванный разговор, когда Сергей уселся в машину, положив себе портфель на колени. – Ну, попали на деньги, первый раз, что ли?

– Ты не понимаешь! – горячился Алик. – Телевизор посмотри. Зачем тогда все это? Все равно ведь уже заплачено.

– Да они после сегодняшнего уже не покажутся, – мрачно прокомментировал Борис. – Они уже «свалят».

– Куда «свалят»? – возразил Алик. – Все будет сделано.

– Сколько он просит? – спросил Борис.

– Считай несколько, – Алик потянул Бориса за рукав и написал что-то в записной книжке. Через несколько секунд Борис, внимательно прочитавший запись, взорвался:

– Да он просто рехнулся. Ты пообещал что-нибудь? Дай мне его телефон, быстро!

Он явно стремится подчинить свою жизнь некоей цели и легко воодушевляется, – подумал Серж, – загорается энтузиазмом. Он по-своему идеалист, оптимист, гиперобщительный и, видимо, легковверный? Что, впрочем, ему не мешает, а как видно – только помогает. Если бы не появилась возможность проявить свои лучшие качества, он мог остаться в СССР обычным или необычным догматиком. Он реалист в вещах, которые его мало волнуют, а во всем остальном настоящий фанатик, готовый победить или умереть.

С ними сидел англичанин, который представился:

– Mark Johns, – и спросил по-французски, пытаясь быть любезным: – Pour longtemps a l'Angleterre?

– Je n'ai pas la notion, – ответил Серж и добавил по-английски, – I do not know.

– Чем вы занимаетесь? – спросил его так же по-английски Сергей.

– Пытаюсь помогать этим русским, – ответил Марк, – хотя, сказать по чести, я не очень то понимаю пока, зачем я им нужен.

Они долго двигались по центральным улицам, потом выскочили на автостраду, проехали по мосту через Сену, которая тут делала дугу, и помчались по направлению к небольшому аэродрому, о существовании которого Серж прежде даже не подозревал.

Глава 6

Никаких таможенных формальностей при вылете практически не было. Сергею лишь на секунду заглянули в паспорт. На борту небольшого самолета всем тут же предложили шампанского.

– Ну, давайте за знакомство, – сказал Борис, они все чокнулись хрустальными бокалами.

Посмотрев на Бориса, Сергей подумал, что, по всей видимости, этот человек полон решимости обладать, и пользоваться всем самым лучшим из того, что находится вокруг, в пределах досягаемости. В нем есть явное и осознанное стремление извлечь максимальную выгоду из личных преимуществ. Он может с максимальной эффективностью использовать все потенциальные возможности, заложенные в каждой конкретной ситуации, но – будет часто оставаться в проигрыше из-за своей жадности и неумеренных претензий.

Борис, перехватив его взгляд и словно догадавшись о чем он думает сказал:

– Сколько себя помню, я всегда задумывался: так что же все-таки хорошо, а что такое плохо? Зачем боженька делает то или другое? Даже в тех случаях, когда соображения практической целесообразности вовсе того не требуют, докапываюсь до сути. Меня интересуют идеи, мотивации поступков. Только так я подхожу к реальности с пониманием, и пытаюсь помогать людям проявлять их лучшие качества. Конечно, не всегда есть время и силы, я ведь математик и часто для меня мир – это цифры. Километры, цена, тонны.

Вообще я склонен воспринимать жизненные испытания как непрерывное приключение и по-своему реагирую на все. Мне нужны эмоции. Интересны люди. Хотя живу трудно, забочусь в основном о текущем моменте, и меня любой пустяк может выбить из колеи.

– А мне всегда хотелось помогать людям, – сказал Серж, – быть полезным. Я готов служить людям, но не готов, чтобы меня использовали. Отчего так? Может быть, меня все-таки окружают не те люди? Мои отчего-то тянет к людям порочным, и вот мои друзья, частенько становятся врагами, они не видят моих достоинств, им это не интересно.

– Вас не обвиняли в антиобщественном поведении? – спросил Борис с улыбкой.

– Бывало, – ответил Серж. – Это пошло с 4 класса, с тех пор как один мой одноклассник нассал в учительскую чернильницу. Мне бы такое в голову не могло прийти, я даже не был рядом. Я из нестройной когорты людей неадекватных общественным ритмам, не могу идти в ногу со временем. Всегда занимался чепухой, отвлекался химерами.

И деньги уходили у меня меж пальцев. В отпуск мне лучше не ездить, я там живу в режиме решета, все спускаю подчистую, как-то раз меня у обменного пункта обманули на сто долларов залетные кидалы. Занимаю я очень обдуманно, всегда четко представляя, чем придется расплачиваться.

– Вообще-то вы производите впечатление человека, лояльного к закону и верного взятым на себя обязательствам, – сказал Борис.

– Наверное, так оно и есть, – ответил Серж, – но живет во мне и порочный аферист. Мне часто кажется, что мой ангел хранитель оставил меня на произвол судьбы. Надеюсь, только что смерть моя будет спокойна.

– Ну, не надо о грустном, у вас такая замечательная мама, – сказал Борис.

– Замечательная. И отец был прекрасный человек. Родители содержали меня до 30 лет, – признался Серж. – Казалось бы, ради этого что-то можно и потерпеть. Но никакой радости по этому поводу я не испытывал. Только угрызения совести.

– А мы с братом завидовали друг другу, – сказал отпив шампанского Алик, – вместо того, чтобы помогать. Я завидовал – его друзьям, он – моим успехам. Едва ли с этим можно было что-то сделать, ведь мы всего лишь продолжаем начатую до нас линию. Ни с отцовской,

ни с материнской стороны в нашем роду – нет единства, семейственности, какой-то особой помощи и поддержки.

– Это было не модно, – сказал Серж, – это считалось седой патриархальной стариной. Но я например не нашел никакой замены семье, не создал никакой команды, в отличие, наверное, от вас. Мои взаимоотношения с близкими – это как секс дикобразов, спаривание пауков: и больно и может закончиться печально.

– Ничего себе метафора. Я-то в общественных делах всегда был довольно активен, – сказал Борис. – Я не лишний, всегда что-то придумывал для своей и обще пользы. Но при этом я не Штирлиц, стремящийся остаться незамеченным, мне хочется, чтобы меня заметили, поощрили, восхитились мною.

– Мне тоже хочется сотрудничать с окружающими, – сказал Серж, – но при этом у меня мало качеств, которые помогают это сотрудничество наладить, я испытываю некоторое напряжение, мне необходимо полное и абсолютное доверие к плечу и локтю. Но где они те люди? Идеальных – не бывает, а с неидеальными я ужиться не могу.

Так сложно жить, однажды я пошутил в разговоре с моей подругой Карой: даже вдох и выдох, каждый удар сердца приходится обдумывать. «И нелегко же тебе живется», – саркастически заметила она. Но действительно сложно угнаться за быстро меняющимся миром. Каких-либо положительных изменений в жизни – не происходит, я не поднялся ни на одну ступеньку выше, не стал авторитетнее, просто стал старше, и все.

– Люди склонны очень мучительно переживать неудачи – если мы вообще их замечаем, – сказал Борис. – Чем старше мы становимся, тем все сложнее это происходит.

– Да, я например, зацкливаюсь на чем-то и оно представляется мне непреодолимой преградой, – сказал Серж. – Раньше то мне казалось, что все неприятности стекают с меня как с гуся вода. Нет, я с большим трудом схожусь с людьми, а сжиться с коллективом, став его частью, для меня практически не возможно. Иногда мне кажется, что я «в обойме», иногда это кажется людям, но так, чтобы это совпадало – я не помню. Мне нужно занять у кого-то гибкости поведения, научиться сочетать собственные этические воззрения с общепринятыми, если таковые сейчас имеются.

Борис внимательно, но без особого интереса выслушал его, и тут же заговорил о чем-то с Аликом. Тогда Сергей спросил Марка:

– А вы что об этом думаете?

– О чем? Об этом субъекте? – тихо спросил Марк, разглядывая пузырьки в бокале, – его способ ориентироваться в ситуации определяются простой последовательностью «проб и ошибок». Рационалист. Оценивает все, ничего не решая заранее или тогда, когда уже поздно что-либо менять. В лучшем случае человек научится общаться с европейцами, принимая их такими, каковы они есть, в худшем – будет, чем бы он ни занимался, всегда чересчур торопиться.

Хотя эти русские воспитаны на реальности простой жизненной борьбы, и они больше доверяют последним, а не первым впечатлениям. Человеку такого склада свойственен скорее критический взгляд на вещи, нежели способность глубоко понимать происходящее или склонность к последовательным обобщениям.

– Дело не в том, что он русский, – сказал Серж. – Кстати, если вы скажете в России что Борис русский, там только улыбнуться. Любой человек, добившийся такого успеха, получает удовлетворение в процессе самоэксплуатации. У них есть потребность в практическом вознаграждении за усилия, которым можно насладиться сразу «здесь и сейчас». В лучшем случае человек, взяв на себя какую-то ответственность, будет неуклонно выполнять все свои обязательства. В худшем – пожертвует чем угодно ради своего чрезмерного тщеславия.

– А риге, – уточнил Марк, – конечно же, «в худшем».

– Probablement, – согласился Сергей. Но он был уверен, что Борис больше всего ценит в жизни то ощущение интеллектуального или духовного подъема, которое жизнь ему дает, для него характерно завершать начатые дела в соответствии с собственными, весьма специфическими, воззрениями. Сталкиваясь ежедневно с предъявляемыми к нему требованиями, он обеспечивает себе душевный комфорт, отказываясь принимать участие в тривиальных делах и наделяя все вокруг особым смыслом в соответствии со своим личным пониманием мира...

Часа через полтора-два самолет приземлился, пролетев над лондонской окраиной. На посадочной полосе их поджидал точно такой же черный лимузин с затемненными стеклами, что провожал в Париже.

– Не зря говорят, что одна из главных прелестей Лондона – это разнообразие, – сказал Борис. – Париж конечно прекрасный город, но внешне он такой серый по сравнению с Лондоном.

Городской пейзаж менялся, Лондон действительно то и дело оборачивался новой стороной. Они проехали по Чипсайду мимо Ковент-Гарден, через Хэймаркет.

На Пэлл-Мэлл лимузин остановился.

– Тут мы с вами на некоторое время расстанемся, – сказал Борис. – Марк, будь добр, проводи Сержа в клуб, там его ждет Абрамс.

– Да я разберусь, Борис, – отказался Серж. – Спасибо. Я тут на Джермин-стрит как-то раз покупал рубашку.

– Лучшую в мире? – переспросил Борис. – Ну, как угодно. Заходите в вон тот клуб. В случае чего телефон Абрамса у вас есть.

Сергей распрощался и вышел. Он поднялся по ступеням и сообщил привратнику к кому он пришел.

– Вас ждут, – ответил тот и провел Сержа в комнату.

– Как долетели? – спросил его по виду просто иссушенный джентльмен. Профессор Абрамс оказался и сам словно реликвия. На нем был толстый шерстяной пиджак, с пуловером и большим шарфом, он сидел в клетчатой шляпе.

– Прекрасно, – сказал Серж.

– Сразу признаюсь, что я не историк, я политолог. Бывший военный, ныне преподаю. С профессором Фон Це мы познакомились в время Второй мировой войны. С тех пор дружим. Вы с ним знакомы?

– Только заочно, по его научным работам, – деликатно ответил Серж.

– Мне хотелось сделать для него что-нибудь приятное, – сказал Абрамс, – и я принял участие в этом деле, хотя, откровенно сказать, все это не кажется мне слишком серьезным.

– Такого же мнения придерживается мой коллега Жюль Лаплас, – сказал Серж.

– А вы как думаете? – спросил Абрамс заинтересованным тоном.

– Я начал читать рукопись, – ответил Серж. – Она мне показалась интересной сама по себе, вне зависимости от того подлинник это или подделка.

– Как вам Борис? – спросил Абрамс.

– Он, несомненно человек инициативный, испытывает просто животную потребность сотрудничать с другими, – отозвался Серж. – Демократичный. Мне кажется, он способен вносить в жизнь новый стимул, расширять горизонты окружающих.

– Боюсь, на Южный Кенсингтон, где он живет много таких инициативных, – проворчал Абрамс. – Если говорить про «животную потребность» то он, мне кажется, способен настраивать людей друг против друга и направлять их на достижение никому не нужных целей.

– Для таких людей характерно действовать с наивным эгоцентризмом, – сказал Серж, – почти не замечая требований текущего момента и двигаясь по тому пути, который кажется наиболее многообещающим с точки зрения его собственных интересов. Поведение человека опре-

деляется инерцией, в постоянных попытках направить в иное русло или перестроить любую деятельность, которая совершается рядом.

– Ну да, «перестройка». Знаете что, – сказал Абрамс, – вы представляетесь мне джентльменом, я хочу вас пригласить к себе. Не слишком большая честь – посещение моей старой халупы. Это тут неподалеку.

Серж помог ему надеть поверх пиджака толстую куртку и они, не спеша, вышли на улицу. Аристократический район британской столицы Мэйфер располагался неподалеку.

– Майская ярмарка по-прежнему проводится? – попытался пошутить Серж.

– Ярмарки там проводились в средние века, – ответил Абрамс. – Я познакомился с Борисом, когда он пытался купить мой домик. Это невозможно, даже имея его деньги. Потому что он лет двести принадлежит нашей семье, но это еще пол беды. Соседи будут возражать, и выскочек туда не пускают.

Они шли мимо скромных домов XVIII века из потемневшего от времени кирпича с белой отделкой. Некоторые были в виде подковы, в которой располагался уютный зеленый сквер, отделенной от улицы чугунной оградой с запертой калиткой. Но всем можно было через прутья смотреть на посыпанные песком дорожки, скамейки и скульптуры.

На Голден-сквер стоял бронзовый Георг II, похожий на сердитого бульдога. Серж помнил, что раз в году, в «День площадей», калитки отпирали для публики.

Всюду были прикреплены видеокамеры, а неброские объявления сообщали, что за бросание предметов мимо урны – штраф 500 фунтов.

Они вошли в специальный подвальный дворик, куда вела чугунная лестница со скромной надписью: «для торговцев и прислуги». Игнорируя начищенный до блеска дверной молоток, Абрамс открыл дверь своим ключом.

– Мэри, у нас гости! – произнес он по-хозяйски. Вышла приятная женщина лет сорока. – Это моя племянница. Мы уже двадцать лет живем вместе. Боюсь, что в случае чего Борису придется торговаться насчет дома уже с нею.

Женщина поцеловала Абрамса, протянула как для поцелуя руку Сержу, тот склонился к ее небольшой сухощавой руке, не касаясь ее губами.

– Добрый день, я думал, что наша прогулка продолжится до самой Пикадилли, – сказал он.

– Мэри, угостишь нашего гостя чаем? – спросил Абрамс. – Может вы хотели бы позавтракать?

– Я бы не отказался от бутерброда, в самолете давали только шампанское, – признался Серж. Они прошли в кабинет. Абрамс протянул Скергею несколько фотографий, на которых он был запечатлен с каким-то азиатом в разные годы: пожелтевшая фотография, где он в потертых шортах и военном кепи. В парадной форме. В белом берете ветерана.

– Какие у вас планы? – спросил Абрамс. – Когда вы сможете вылететь?

– Ну, сначала нужно договориться с принимающей стороной, – ответил Серж. – Предупредить, что я прилетаю. Мне вообще дадут визу?

– Можете звонить, только мой вам совет, не говорите о настоящей цели вашего визита, – сказал Абрамс. – И лучше позвонить в наше посольство, это надежнее, я этим займусь.

Вошла Мэри, катя на подносе чайник с чашками, а так же кое-что покушать:

– Пирог с говядиной и почками, кипперсы и стилтонский сыр, – сказала она.

– Из магазина «Фортнум и Мэйсон»? – спросил Серж с улыбкой.

– Да, кажется, он именно так называется, – ответила Мэри.

Глава 7

Все, казавшееся таким важным, требующим постоянного вмешательства и контроля, отошло на второй план. Асман стал большую часть времени проводить либо в шатре с Лейлой, либо – думая о ней. Но при этом, продолжая про себя отмечать, что вокруг него ничего не изменилось, успех продолжал сопутствовать калистанскому воинству. Король знал, что такое успех, потому, что успел познакомиться с его противоположностью. И счастье и неудачу он осязал: успех освежал атмосферу, наполняя значением, воздействуя на каждый атом, все делалось свежущимся, сияющим, звенящим. Неудача была тусклого свойства, от нее першило в горле.

Его придорожная находка казалась ему главным успехом.

Она оказалась тринадцатилетней девочкой, дочерью богатого крестьянина Али, десять сыновей которого вольно или подневольно, но воевали на стороне Исмаил-Шаха, а сам Али был убит солдатами Асмана; его жена – мать Лейлы толи растерзана солдатами, толи пряталась вместе со второй женой своего мужа. А сама Лейла около недели безвылазно просидела в сухой глиняной яме, выкопанной под домом. Она была там вместе со своей бабкой; та медленно умирала, путано шепча молитвы. В последний день старуха впала в беспамятство и в бреду послала Лейлу за водой – обычным своим ворчливым тоном, которым она разговаривала с внучкой до того, как они обе оказались в яме. Несмотря на явное старческое полоумие, бабка никуда не отпускала от себя девочку, помня про войну и воинов наверху. Но в предсмертном забытии, видно, запаматовалась. А послушная Лейла тотчас побежала за водой.

Только и успев, что наполнить кувшин в арыке, она стремглав, ни на кого не обращая внимания, бежала обратно к умирающей бабушке – не догадываясь, что она умирает, ведь никто в ее жизни до сей поры не умирал, – по знакомой ей с детства улице, где она выросла, играя в пыли и в теплых лужах после нечастых дождей, вместе со своими ровесниками. Все неполные четырнадцать лет ее жизни – это была самая спокойная улица, отдаленная от центра деревни, где рядом с духаном иногда можно было нарваться на обкурившегося нищего. А здесь таких случайных встреч быть не могло. И даже хозяйки никогда не беспокоились за своих детей. А ведь они-то помнили, что когда сами были детьми, происходила война, не известно кто с кем воевал, но полдеревни крестьян тогда убили, многих угнали, женщин насиловали тут же в пыли, грабили и жгли дома... А еще раньше по этой улице проходили войска Чингисхана.

Лейла сразу же, как только более или менее пришла в себя, стала просить Асмана помочь ее бабке. Но король, несмотря на то, что свободно говорил на пяти языках, в том числе дари и пушту, распространенных в этих местах, не понял диалекта Лейлы, и только улыбался ей и пожимал плечами, глядя, как она, со слезами его о чем-то просит, становится на колени и пытается обнять его ноги. Он поднимал ее и пытался успокаивать. Через два дня нашли толмача, но старуха к тому времени уже благополучно скончалась в своей яме. Она умерла от старости, и пережитое волнение лишь чуть-чуть приблизило конец.

Когда, таким образом, резко проявился языковой барьер между ними, Асман решил обучить Лейлу языку, на котором они могли бы говорить. Но ему почему-то. – Он так и не понял отчего, – захотелось, чтобы она говорила с ним по-арабски, тогда как все его предыдущие наложницы говорили на фарси, и только одна была турчанкой, но тоже мгновенно освоила фарси.

Воюя налегке, он немного гордился в душе тем, что не пожелал взять в поход даже половины гарема, но когда появилась Лейла, неудобства боевого аскетизма сразу дали о себе знать, хотя девушка-то неудобств этих не ощущала и, видимо, ни о чем таком не мечтала. Но он приказал освободить для нее шатер, и Лейла поселилась в шатре главнокомандующего. Тот вытеснил из походного жилища своего заместителя, и так по нисходящей: все армейское руководство переселилось, на время жительства при войске Лейлы, в шатры и палатки рангом ниже.

В шатер, где Лейла первое время жила одна, каждое утро вносили ванну с теплой, пахнущей мятой водой. Это была серебряная посуда, формой похожая на пиалу, а запах прочно ассоциировался с чаем, который пила ежеутрене их семья, и Лейла не знала поэтому, что и думать. Она чуть не сошла с ума, когда к ней в первый раз внесли эту огромную пиалу. Ей представлялось несомненным, что должен появиться огромный Дэв, для которого приготовлен этот чай, и съесть бедную Лейлу, запив ее чаем, как лакомый кусочек из плова.

Но Дэв не приходил, а вместо него появился Асман – крошечный по сравнению с гостем, которого она ожидала.

Увидев Лейлу в старой одежде, он был в полном недоумении, ибо еще с вечера распорядился отослать ей кое-что из своего собственного гардероба, ему, за неимением лучшего, хотелось нарядить Лейлу пажом. Король подошел к слабо благоухающей, полуостывшей ванне и понял, что ею не воспользовались. Девушка сидела, ни жива ни мертва, она почти не спала ночь, лишь под утро, когда стало светать, прикорнула, но встала по крестьянской привычке рано, однако, короткий сон ее вполне взбодрил, и юная дикарка была почти весела вначале, и только «пиала» и предстоящий завтрак Дэва ее смутили.

Маленький человек в красивом тюрбане, коротком малиновом кафтане, опоясанном тонким ремнем, на коем ладно висел небольшой кривой меч, подошел к «пиале» и опустил в нее руку. Лейла готова была завопить от ужаса, вызванного теперь простым геометрическим несоответствием роста ее «дева» с размерами посуды – ведь существа из бабушкиных сказок иногда выпивали реки.

Сообразив, что девушка не понимает чего от нее добиваются, Асман не спеша стал облачаться, дабы продемонстрировать перед девушкой всю прелесть утреннего купания. Он не раздевался самостоятельно даже в изгнании, однако, с чалмой, мечем и кафтаном, справился довольно легко. Но за сапоги он даже не стал приниматься, заранее зная, что у него ничего не выйдет и, хотел было позвать кого-нибудь из свиты, оставленной снаружи, но тут к нему на помощь пришла сама пленница, большую часть своей жизни помогавшая разуваться отцу. Она метнулась к ногам Асмана и со всей нежностью, на которую только была способна, не дыша, стянула с его ног сначала один сапог сомой мягкой, какая только может быть, кожи, а потом другой.

– Умница, – сказал Асман, когда девушка, кланяясь и пятясь, отошла от него на несколько шагов и не поднимая глаз остановилась поодаль, – а теперь вот эти шнурки на щиколотках.

Она поняла эту первую фразу, обращенную к ней по-арабски и опять опустившись на колени, развязала тесемки внизу и потом на поясе. Шелковые королевские шальвары с едва заметным золотистым рисунком упали вниз, и он остался перед нею в шелковых же, но белых подштанниках. Лейла на этот раз не стронулась с места, ибо не имела никакой возможности встать с колен от очередной волны трепета, который на этот раз был гораздо менее тягостен, чем тот первый ужас ожидания Дэва. Она не могла встать еще и потому, что почувствовала, – как и вчера, в ту первую их встречу – у нее начался известный женский процесс, случающийся у взрослых женщин, как правило, ежемесячно, а у взрослеющих девочек иногда при известных обстоятельствах, но всегда некстати, наступающий вдруг...

Поняв, что ему не помогут, и кое-как раздевшись далее самостоятельно, Асман опустился в серебряную посудину и уже не беспокоил девчонку. Он сообразил, что с нею что-то не так. А бедная мученица, пока он находился в ванне (надо сказать, что сие была его собственная походная ванна, от которой он решил сегодня отказаться ради Лейлы) и разглядывал ее, тихо и безропотно страдала, – что поделаешь, на все воля Аллаха.

Их первое уединение т. о. было несколько омрачено, Асман мерз в остывающей воде, от чего он успел отвыкнуть за время полного благоденствия, но, за исключением прохладной воды, все складывалось очень хорошо. На колеблющемся потолке играли, перемежаясь с тенями, солнечные блики. Грустная побледневшая пленница сидела перед ним на ковре

и кусала губы. Но он чувствовал, что она вполне здорова и даже не сумасшедшая, и поэтому может и должна ему принадлежать...

Спустя несколько дней, Лейла освоилась с обстановкой, у нее появилась прислуга и платье, привезенное из дворца местного эмира, который кроме того прислал три сотни солдат и подношения лично королю. Эмир был стар и болен, но в войске Асмана служили пять его сыновей. Король не видел ни одного из них, но в создании первого скромного комфорта для красавицы Лейлы, второй из них по возрасту по имени Хусейн сыграл не последнюю роль. Он попался на глаза королевскому визирю-дворецкому, которого, в свою очередь, главный визирь евнух Дахар попросил поторопиться с устройством быта подобранной красавицы.

Хусейн бросился во весь опор к отцу и через два дня прикатил арбы, груженные нарядами и подарками. Увидев все это, король улыбнулся Дахару и похлопал его по согбенной спине. Визирь дворецкий, в свою очередь, за расторопность получил от главного визиря бриллиантовый перстень. Хусейн же с протекции визиря дворецкого, завладел, минуя старшего брата, правом наследовать эмират своего отца.

Что касается крестьянки Лейлы, то она еще меньше чем Его Величество была знакома с механизмом появления вокруг нее новых людей и вещей, объединявшихся для создания ей душевного покоя и телесного комфорта.

К утреннему душистому купанию Лейла привыкла со второго раза. Свое платье забыла сразу же, как только оно исчезло, замененное одеждой из тончайших шелковых и хлопковых нитей, в которые, казалось, был вплетен еще аромат цветов – едва уловимый, но не исчезающий. Кушанья не повторялись, и это тоже вошло в привычку.

Нелегко было привыкнуть к королю, которого она первое время не могла узнать, особенно если он входил не один, а со свитой. Она каждый раз принимала за короля какого-нибудь красивого воина из охраны и не сразу понимала, что ошиблась, когда тот, кого она выделяла, пятясь и кланяясь, покидал шатер вместе с прочими, по мановению руки невысокого кривонного человека с короткой, рыжеватой бородой на совершенно обыкновенном, только более бледном, чем у остальных, лице.

Беспрерывно думая о ней днем и ночью, Асман не торопил события, он все-таки кое-что знал о женщинах, хотя этот предмет интересовал его меньше чем песня акына, беседа с мудрецом или, под настроение, фехтовальный поединок с новым противником; но он знал-таки, что в отношениях с женщиной не нужно спешить, дав отстоятся этому кувшину загадок – простеньких, но бесчисленных.

Так что первое время он заходил к ней редко и задерживался не надолго. Будь Лейла способной к размышлениям, она, может быть, определила, что продолжительность его визитов увеличивалась по мере того, как девочка, привыкая к новой обстановке, забывала старое – кто она и откуда.

На седьмое утро Лейла проснувшись утром, первый раз не удивилась кровати с балдахином, своему шелковому шатру, убранному к ее пробуждению свежими цветами. А Вечером этого дня король остался у нее ночевать.

Более чем склонный к всевозможным видам анализа, Асман, вспоминая на склоне своих лет детали похода на Шах-Исмаила, несколько иначе, чем в дни похода оценивал происходившее тогда.

То, что победа очевидна – он знал заранее. В процессе войны видел лишь подтверждение предварительных планов. Иначе и быть не могло, поскольку, еще до начала похода, нападающие, заранее провели детальную разведку, с отравлением колодцев, подкупом, роспуском слухов и распространением фальшивых денег с профилем Шаха, которые были отменены вместе с нефальшивыми золотыми и скуплены сразу после победы. Кроме того, провели большую дипломатическую работу, в ходе которой выяснилось, что Шаха Исмаила из окрестных государей поддерживает только его племянник и формальный вассал Бухарский султан.

Все же остальные правители мусульманского мира, от империи Великих Моголов на востоке, до Шемахинских владык на западе поддерживали славнейшего из тимуридов – короля Асмана.

Он, ни минуты не сомневавшийся в победе, тем не менее, когда она наступила, был несказанно рад. Но, по прошествии лет, Асман решил, что доволен он был не результатом войны, а только лишь скромным пополнением своего гарема – новой наложницей Лейлой. И ничего его не интересовало уже в походе, он ждал лишь его скорейшего завершения, чтобы уехать, наконец, из опостылевшей ему горной глуши в столицу, где можно было всласть наигравшись с Лейлой, избавиться от донимавшей его любовной горячки, мешавшей государственным делам.

Исмаил, в отличие от своего более удачливого соперника, воевал со страстью. Но не помогало ему, ни в малейшей степени, ни личное участие в боях, когда он с двуручным мечом в руках метался по стене в надежде увидеть, показавшуюся между крепостных зубцов, голову Асмана, который, как ему думалось, тоже в гуще сражения ищет его – Шаха-Исмаила, дабы в личной схватке – по древним традициям воинской доблести – выяснить: кого больше любит Всевышний. Когда очередная крепость была захвачена, Исмаил исчезал по подземному ходу, чтобы в другом укрепленном городе писать письма сопредельным владыкам и самому Асману, этих писем не читавшему. Он поручал отвечать на них Главному Визирю, прося только, чтобы ответ был как можно более ласков.

Когда пали все крепости, Исмаил бежал в отдаленный горный кишлак, укрепил его по мере оставшихся сил и, отчаявшись, молил Аллаха о смерти хотя бы от руки ненавистного Асмана. В этом заоблачном селении, вместе с ним был его сын и двое только что родившихся близнецов с их матерью. Исмаил, коему прежде не было дела до детей, перед концом вдруг испытал горькую в его нынешнем положении отраду отцовства. Он выплакал многого беззвучных слез, стоя ночами над спящими детьми, уверенный, что их ждет гибель. Однако, в это время, по крутым, осыпающимся тропам смерть приближалась лишь к нему. Он погиб на седьмой день осады, приговоренный в наказание за затянувшуюся войну. До остальных оборонявшихся воинам Асмана, славно пограбившим в богатых долинах, здесь в горах не было никакого дела.

Голову Исмаила с выбитым стрелой правым оком, отделили от тела и повезли в столицу королевства. На всякий случай прихватили детей, ибо сие все-таки были дети Шаха. Но голова не понадобилась, Асман поверил своим воинам на слово, и она благополучно истлела.

А вот дети побежденного врага, которых почему-то не умертвили, чего требовали здравый смысл и древние традиции, обрадовали Асмана. Причина-то была не сложной: многочисленные наложницы короля не спешили брюхатеть, хотя он регулярно орошал их тоскующие лона. В тот же день, когда ему показали наследников поверженного Шаха, Лейла сообщила ему, что беременна.

Его Величеству было тогда тридцать два года.

Глава 8

– Отчего вы не хотите, чтобы я сообщил иракским коллегам о цели моего визита? – спросил Серж, перекусив куском пирога, – ведь мне придется проинформировать их. Мы ведь не собираемся контрабандой вывозить манускрипт?

– Конечно, нет, – ответил Абрамс, стряхивая дрожащими пальцами со своего шерстяного пиджака крошки от печенья. – Я просто боюсь, что это ерундовое дело сразу превратиться если не в трудновыполнимое, то... в очень дорогостоящее. – К нему сразу примажутся разные государственные и партийные чины, которым придется давать взятки.

– Отныне нареченный... Садам Хусейн?

– И это тоже. Мы, правда, собрали на эту экспедицию 100 тысяч фунтов. Деньги большие. Вы сразу можете получить половину. Остальное – по вашему усмотрению.

У Сергея потеплело на душе. Он начал лихорадочно соображать, что бы такое придумать:

– Нет проблем. Сказки белуджей! – сказал он. – Я когда-то писал об этом.

– Белуджи? – переспросил старик, – что за белуджи?

– Belutschistan, территория на юго-востоке Иранского плоскогорья, между Афганистаном, Персией и Индостаном, древняя Гедрозия. Это небольшой народ меньше миллиона. Правда, они живут восточнее, но, по-моему, в Багдадской национальной библиотеке что-то по ним должно быть?

– Ну, пусть будут белуджи, – сказал Абрамс. – Звоните.

– Прежде я хотел бы получить более полную информацию, – сказал Серж.

– Вот все что у меня есть, – Абрамс передал Сергею небольшой конверт с японскими иероглифами. Тот достал из конверта письмо, оно было адресовано Абрамсу. Серж посмотрел на него вопросительно, Джордж кивнул, разрешая читать. Письмо было от Фон Це, который писал:

«Дорогой Джордж!

Я давно уже переписываюсь с директором Иракского национального музея господином Мутавалли, очень эрудированным, и, в то же время влиятельным у себя на родине ученым. На днях ко мне по его рекомендации пришло письмо от одного иракского ювелира по имени Убейд.

Человек это, как я понимаю, от науки весьма далекий. Но к нему попали старинные пергаменты, подтверждающие арабское происхождение рукописи, получившей среди европейских исследователей название «Охота на единорога». У нее есть и другое название, которое переводится как «Королевская охота».

Первое исследование этой рукописи произошло в прошлом веке. Через много лет она была окончательно занесена в разряд подделок и мистификаций. Основной аргумент исследователей против подлинности этого документа заключается в том, что в Турции, к которой рукопись тяготеет исторически и культурно, не сохранилось ни одного списка.

На мой взгляд, в этом нет ничего удивительного. Она могла быть в Османской империи быть просто запрещена, как еретическая. Возможно ее автор только выходец из Турции? У меня есть кое-какие мысли на этот счет, не хочу тебя ими «загружать», как сейчас говорят молодые. Если коротко, то описанные в манускрипте события происходили, скорее всего, вскоре после правления Эртогрула в Конийском султанате. Он впоследствии окончательно распался, образовались самостоятельные княжества.

Мне думается, что первоначальный текст возник в ханстве Каракиданей, феодальном государстве в Средней и Центральной Азии со столицей в Баласагун на реке Чу. Основатель – Елюй Даши принял титул гурхана. После разгрома чжурчженями он с группой сторонников бежал с помощью поселившихся здесь ранее киданей, стал императором в 1141 году.

Конечно, это все подвергают сомнению, но, на мой взгляд, архаичный текст – протерпел в течение столетий изменения и был так сказать обновлен. Это своего рода «Гамлет» Средней Азии...»

Далее следовали сообщения личного характера, и Сергей вернул письмо в папку. Он подвинул к себе старинный телефонный аппарат и, взглянув, на часы, в Ираке сейчас было уже послеобеденное время, набрал длинный номер.

– Наам, – раздалось в трубке.

– Салям Алейкум, – поздоровался Серж – Мэ Исмук? (Как вас зовут?)

– Алейкум Ассалям. Убейд. Мин фадлик Мин айн инта? (Извините, откуда вы?), – поинтересовались на том конце.

– Исми (Меня зовут) Серж Хацинский, вам привет от доктора Фон Це, которому вы писали, я звоню вам из Лондона. По просьбе профессора Фон Це и его друга профессора Абрамса я собираюсь в ближайшее время, возможно, уже завтра прибыть в Ирак и повидаться с вами.

– Очень рад, – сказал собеседник. – Вас встретить в аэропорту?

– Не хочу вас затруднять, – ответил Серж. – Я еще буду звонить в Национальный музей, правда, по другому поводу и рассчитываю, что они помогут со встречами и размещением.

Серж нажал на клавишу.

– Ну вот, меня ждут, пока все складывается удачно, – сказал он.

– Прекрасно, – сказал Джордж, – сейчас Мэри даст вам фотоаппарат для того, чтобы вы сфотографировали рукопись, и организует вам на самолет билет. Мэри, заказывай билет в Багдад на завтра!

Женщина зашла в кабинет и, притиснувшись между стариком и его столом, приникла к компьютеру.

– Так, – сказала она, – прямых рейсов нет уже двенадцать лет. Можно лететь с пересадкой через Египет и Сирию. Сначала до Каира, потом Дамаск, и оттуда либо на автомобиле, либо самолетом. Они летают примерно раз в неделю.

– А если через Анкару? – спросил Серж.

– А как вы собираетесь пробираться через Курдистан? – ответила она, – Можно вообще долететь до Кувейта, но мы не знаем как там после Войны в заливе. Уж лучше через Иорданию, всего одна пересадка. Из Аммана рейсы в Багдад чаще.

Все это не очень устраивало Сергея.

– Позвольте мне, – попросил он и, развернув монитор компьютера к себе, занялся поисками.

– Вот, – сказал он после получасового сосредоточенного молчания, когда Мэри уже успела унести остатки завтрака, – небольшая индийская компания садится в Багдаде для дозаправки. Кстати, очень дешево.

– Простите меня, я не склонен доверять этим индусам, – сказал Абрамс.

– Но самолет-то у них русский, – успокоил его Сергей, – Ил-62.

– Да? – сказал Джордж неуверенно. – Ну, смотрите сами.

– Вылет в три утра, – сообщил Серж.

– Мэри вас отвезет в Хитроу, – сказал Джордж. – Вот ваша пластиковая карточка с задатком в 25 тысяч фунтов. Деньги на расходы получите в нашем посольстве.

– Задаток я предпочел бы оставить на хранение у вас, – ответил Сергей.

– Это разумно, – похвалил его Абрамс, – но тысячу долларов на первые расходы возьмите.

Сергей молча сунул в карман плаща пачку стодолларовых бумажек. Затем настала очередь Джорджа звонить. Он переговорил по телефону с кем-то в министерстве иностранных дел.

Разговор оказался долгим его несколько раз переключали, просили подождать.

Серж пока рассматривал кабинет Джорджа, книжные шкафы, фотографии. На одной из них они с Фон Це были сняты с каким-то молодым человеком:

– Кто это с вами? – спросил Серж.

– Это внук Фон Це, Родни. Он работает в Бельгии в каком-то международном учреждении, толи в Совете Европы, толи в НАТО?

Затем Серж опять позвонил в Ирак, на этот раз не в Басру, а в Багдад. Ему пришлось раза три повторить вежливое арабское приветствие, прежде чем после расспросов ему удалось пригласить к телефону его бывшую однокашницу по Московскому университету, а ныне доктора Фатиму Камар. Они обменялись арабскими приветствиями, а затем Сергей сказал несколько слов по-русски:

– Привет, Комарик! Помнишь, тебя так называли в Москве.

– О Аллах, – воскликнула она. – Это было двадцать лет тому назад. Я уже все забыла. Очень смутно вспоминается. Кто вы?

– Серж Хацинский, – ответил он. – Я учился в аспирантуре.

– А! Француз? – спросила она. – Такой красивый француз.

– Сейчас уже не такой, – ответил он. – Я буду проездом в Багдаде. Лечу в Индию завершать мою научную работу. Хотелось бы посетить багдадскую библиотеку, нет ли там чего-нибудь по белуджам.

– Думаю, что в Пакистане и Индии больше материала, – сказала она.

– Хотелось бы повидаться с тобой, – предложил он, – повспоминать студенческие годы.

– Вы знаете, – ответила она сомневающимся тоном, – сейчас такая напряженная обстановка в стране.

– Я далек от современной политики, – сказал он. – Меня интересует только политика тысячелетней давности.

– Когда вы будете в Багдаде? – спросила Фатима.

– Завтра рейсом Лондон-Дели, – ответил Серж.

– Да, знаю, это очень удобный рейс, – сказала она.

– В таком случае до встречи, – сказал он.

– Маассалама (до свидания), – попрощалась она.

Формальности были улажены.

– Я пойду, отдохну немного, – сказал Джордж. – В моем возрасте это необходимо. Знаете, как говорят: Послеобеденный сон серебряный, а дообеденный золотой.

– И в Англии так говорят? – спросил Серж.

– Я столько путешествовал, что уже не помню, где так говорят, – ответил старик. Он медленно пошел к себе в спальню. – Да и вам с Мэри не мешало бы поспать перед вылетом. Она вам постелет в комнате для гостей. Сделаешь Мэри?

– Конечно, Джордж, – ответила женщина.

Проводив Абрамса, Мэри показала Сержу отведенную ему небольшую комнату с невысокой кроватью. Она вытащила из шкафчика чистые простыни.

– Вообще-то я собирался пройтись по городу, – сказал Серж. – Но может быть действительно стоит отдохнуть. Когда летишь на восток, перелеты более утомительны, чем на запад.

– Мы можем выехать на час раньше и зайти куда-нибудь, – сказала она. – Ночью Лондон даже лучше чем днем. Вам нужно еще что-нибудь?

– Пока нет.

Елен улыбнулась и ушла, оставив его одного. Женщина была симпатичная, очень зрелая по виду. Ее выражение лица было лет на сорок, а когда она улыбалась, казалось, что ей нет и тридцати.

«Наверное, пойдет готовить обед или организовывать еще какие-нибудь дела Джорджа?» – подумал он и как всегда ошибся. Прошло минут десять, – он только снял пиджак,

повесив его на спинку стула, сбросил башмаки и переложил купюры из внутреннего кармана в портмоне, как дверь опять приоткрылась – и Елен вошла без стука. Она была уже не в деловом костюме как встречала его, а в домашнем халате. Она подошла к нему и... обняла.

– Ты уверена, что когда Джордж сказал «...вам с Мэри не мешало бы поспать». Он имел в виду это? – спросил Серж

– Я думаю, он именно это имел в виду в глубине души, – ответила она и сбросила халат.

У нее было молодое нежное тело и грудь никогда не рожавшей женщины. Она задернула шторы и юркнула под одеяло. После двух недель воздержания, Сержу этого было вполне достаточно для того, чтобы забыть все сомнения и угрызения совести...

Он проснулся как раз к пяти часам. Он услышал за неплотно прикрытой дверью разговор Джорджа с Мэри на тему кому приличнее идти будить его, быстро вскочил, натянул трусы, брюки, майку, рубашку. Подом подумав, надел еще и пиджак и вышел.

– А вот и вы, – сказал Джордж из гостиной, давайте обедать.

Обед очень напоминал завтрак.

– Мэри так и не научилась готовить, – объяснил Джордж, – после того как ушла на покой моя кухарка, мы покупаем готовые полуфабрикаты.

К пирогу, который представлял собой разваренную говядину, заключенную в футляр из слоеного теста и политую густой мясной подливкой, был, кстати, стаканчик пива.

На второе были кеджери – отваренный рис, рубленые крутые яйца и отварная рыба.

– Напоминает рыбный салат – сказал Серж. – Сюда не помешало бы ложку майонеза.

Кипперсы – горячая копченая селедка – тоже требовали глотка пива. Обед плавно перешел в «файв-о-клок».

К чаю оказался фруктовый торт, напоминающий кекс, в котором сухофруктов и пряностей больше, чем муки, горячие лепешки-скоунзы, которые нужно было мазать девонширскими сливками, похожими на очень густую сметану, тосты с огурцом, представляющие собой очень мягкий белый хлеб, сыр «Филадельфия» и ломтики огурца, а также и персиковый джем.

Елен была весела, и обед прошел в приятной обстановке. Часов в восемь принесли заказанные билеты. В двенадцать Серж с Елен выехали, попрощавшись с Джорджем.

– Я чувствую себя немного виноватым перед ним, – сказал Серж.

– А я нет, – ответила Елен. – Он делает это так редко, а я не решаюсь его торопить, в его возрасте этом может быть небезопасно.

– Так он это еще делает? – удивился Серж.

На выезде их Лондон из Хитроу Серж увидел Православный храм. Это была небольшая, белая, с золотыми куполами церковь, словно перенесенная откуда-нибудь из Подмосковья.

– Это что? – спросил он, поворачивая голову.

– Uspensky cathedral, построили русские эмигранты, – сказала Елен.

– Успенский собор? – спросил Серж.

– Да.

В Хитроу четыре терминала, они соединены подземной железной дорогой наподобие метро, но Мэри обязательно хотела проводить Сержа до самолета. Они долго петляли там, пока не нашли нужный. Она с сожалением чмокнула его в щеку, и ушла, несколько раз обернувшись, и, маша ему рукой.

Его паспорт, который он заранее приготовил, никого не заинтересовал. Ему устроили тщательный осмотр, без которого нынче не пустят в самолет нигде, но не более того.

Он долго ходил по залам, рассматривая в дьюти-фри виски «Глинливет» и портвейн «Сэндиман». Но так и не решился ничего купить. Наконец объявили посадку.

Соседом Сержа по креслу оказался иракец. Узнав, что Серж француз он ему шепотом рассказал анекдот, который очевидно сам недавно услышал:

«Разговаривают по телефону Буш с Хусейном.

Саддам говорит: Я видел во сне Нью-Йорк. Много красивых плакатов с надписями: «Да здравствует Саддам Хусейн!»

Буш отвечает: А я видел Багдад, отстроенный, красивый с яркими витринами и множеством красочных надписей.

«И что же там написано», – спрашивает Хусейн.

«Не знаю, – отвечает Буш, – я не читаю на иврите».

– Иншаалла (на все божья воля), – сказал Серж политкорректно.

Глава 9

Примерно через час Сергей заснул под гудение двигателей и проснулся только от яркого солнца, светившего в иллюминатор. Они летели на восток. Прямо к Солнцу – ближайшей к Земле звезде – старому и вечно новому Светилу, оно – не только новое каждый день, но вечно и непрерывно новое.

Если человек имеет возможность созерцать солнце, луну и звезды, и наслаждаться дарами земли – он не одинок и не беспомощен. Хотя поколения приходят и уходят, а Земля пребывает вовеки. Восходит солнце, и заходит солнце, и спешит к месту своему, где оно восходит...

«Пусть наш разум, как солнце золотое, сверкает с высот, он загадкам судьбы разрешенья вовек не найдет» – вспомнил Серж арабский стих. И почему-то сквозь сон Серж начал вспоминать: на каком расстоянии они от Солнца? Земля движется в пространстве вокруг него по орбите со средним расстоянием в 150 миллионов километров, совершая полный оборот приблизительно за 365 суток. Оно имеет диаметр почти полтора миллиона километров и массу, в 700 раз превышающую вес всех планет. Самое короткое расстояние от Земли до Солнца как ни странно – в январе, когда в северном полушарии зима, а в южном – лето. Наибольшее расстояние – в июле.

В мифологии Древней Греции Гелиос – бог Солнца, сын титанов Гипериона и Фейи, брат Селены и Эоса, своей волей дарует жизнь и наказывает слепотой преступников. Мифы указывают на плодovitость Гелиоса, потомство которого отличалось дерзостным нравом. В эллинистическо-римской мифологии Гелиос отождествлялся со своим отцом и был, таким образом, сыном Урана и Геи, в поздней античности – с олимпийским богом Аполлоном и стал сыном Зевса и Лето, братом Артемиды, что позволяло покровительствовать героям, целителям, прорицателям, пастухам, певцам и музыкантам. А вместе с Афиной Гелиос покровитель отцов и учителей.

В восточной традиции солнцепоклонников ему соответствует Йазад по имени Хвар Хшайта Хваршат, или Хуршед, или Кхоршид, или Кхур, а также древнейшее божество индоиранского пантеона – Митра, которому посвящены гимны в Ригведе.

Но ни на солнце, ни на смерть нельзя смотреть в упор.

– Кажется, подлетаем, сказал его пробудившийся сосед, перегнувшись через Сержа и заглядывая в иллюминатор. – Аэропорт имени Саддама.

Серж посмотрел туда, куда он указывал и увидел вдали крошечные буквы:

– Слышали анекдот? – спросил сосед, – Саддаму все-таки удалось создать ядерную ракету. Взлетая, она начинает все на своем пути обстреливать чугунными ядрами.

– Слышал, – отозвался Серж. – Но в том варианте фигурировал Мао Цзе Дун.

Самолет, сделав разворот, стал снижаться. Серж пристегнул ремень и инстинктивно прижался к спинке кресла. Колеса коснулись бетона и через пять минут двигатели остановились. «Гробница доблестных, – проворчал Серж, – вся земля».

– Дамы и господа, наш самолет совершил посадку для дозаправки, – объявил стюард индус. – Господа Аль-Зейдан и Хацинский приглашаются на выход.

Оказывается в Багдаде сходили только двое: Сергей и его сосед – знаток анекдотов. Они спустились по трапу. Багдад встретил их жарой, которая явно мешает днем мечтать. Вокруг самолета как обычно суетились техники. Серж попрощался со стюардами, поблагодарил их и направился к зданию аэропорта.

На проходной Серж с попутчиком сначала вежливо поперекались кому идти первому, но потом оказалось, что пограничников хватит на всех. Паспорт араба проверяли долго, но поставили печать и пропустили на территорию страны:

– Хаза карты – протянул он на прощанье Сержу свою визитную карточку.

А Сержа задержали:

– Цель вашего визита? – поинтересовался у него военный.

– Работа в библиотеке, – ответил Серж. Он вдруг вспомнил Советский Союз, в котором только для печали была граница, а для страха – никакой, и все трудности с проникновением в такого рода страны.

– У вас нет визы и приглашения, – сказал пограничник. – Нам ничего про вас не сообщили.

– Что же мне делать? – спросил Серж – Аунни (помогите мне).

– Боюсь, что вам придется лететь в Дели на вашем самолете, – ответил военный.

– Алещь (почему) – спросил Серж. Но он подумал, что это, наверное, единственно возможный вариант. Но тут за стеклом метрах в десяти он заметил какого-то смуглого человека в очках, который делал ему знаки.

– Возможно, принесли мое приглашение, – предположил Серж. Это действительно оказался третий секретарь британского посольства. Вскоре Сержа пригласили в другую дверь.

– Извините за опоздание, – сказал дипломат, я Боб Ас-Сумам, – вам разрешено оформить транзитную визу сроком на тридцать дней.

– Бляш? (бесплатно) поинтересовался Серж.

– Мия (сто), – ответил пограничник несколько смущенно.

– Дафаа зияда? (дополнительная плата) – спросил Серж. Военный пожал плечами. Серж вытащил сто потом еще десять долларов. Пограничник немного повеселел.

– Тарих аль-вусуль (дата прибытия), тарих аль-сэфар дата отъезда (дата убытия) поставил он две печати. Ахлен уа сахлен. Добро пожаловать.

Они прошли здание аэропорта насквозь и остановились на другой стороне.

– Вот из-за этой колываги я чуть было не опоздал к вам, – сказал Боб, показывая на такси. Серж с удивлением увидел старую «Волгу» Газ-24 и сказал:

– Тогда понятно.

Они сели в машину и Боб сказал:

Мин фадлик, фундук (пожалуйста, отель).

Мы не будем проезжать мимо Национального музея? – спросил тоже по-арабски Серж, – мне хочется туда заехать и сразу на поезд в Басру, если мое присутствие в посольстве не обязательно. А в гостиницу пока не нужно.

– Нет, совершенно не обязательно, – ответил Боб, – посла в стране нут.

Они подъехали к музею, Серж предложил Бобу подождать и зашел внутрь. Фатима была на службе, но найти ее оказалось трудно. Наконец он заметил идущую по коридору женщину в мусульманском платке. Она была небольшого роста, в очках. Фатима никогда не была особенно приветлива, но, узнав его, улыбнулась, он пошел к ней навстречу, поцеловал руку:

Это не запрещено? – спросил он.

Но мы же светское государство, это в Иране за это могут наказать, а на нас к тому же сейчас никто не смотрит.

Они не виделись около двадцати лет, из скромной миловидной девушки Фатима превратилась в серьезную несколько желчную женщину с желтоватым лицом.

Ты мало изменился, – сказала она ему.

А ты стала очень солидная, – ответил он, – прекрасно выглядишь.

Последнее было ложью, выглядела она так себе.

Ты замужем, Фатима? – спросил он.

Нет, – ответила она.

Отчего так?

Занимаюсь наукой, – ответила она.

Можно пригласить тебя пообедать со мной?

С большим удовольствием, – согласилась она. – Но только, наверное, мне нужно показать тебе куда лучше пойти, ведь ты в Багдаде первый раз?

Я должен засвидетельствовать свое почтение директору, – сказал Серж.

Его сейчас нет, к тому же он человек очень осторожный и не со всяким иностранцем захочет встречаться.

Тем лучше, – сказал Серж.

На той же старенькой Волге они поехали в лучший караван-сарай Багдада. Фатима тоже расспрашивала Сергея о его личной жизни и удивлялась тому, как его жена решилась все бросив, уехать с ребенком в незнакомую страну.

Напившись в отдельном кабинете чая со сладостями и поев плова, Серж получил приглашение вечером побывать в гостях у Фатимы и познакомиться с ее матерью, отец недавно умер. Фатима вскоре скромно распрошлась со словами, что обильная еда вредит телу так же, как избыток воды вредит посеву.

Потом водителю было поручено отвезти Фатиму в музей, и заехать на вокзал за билетами до Басры. Как оказалось, поезд отправлялся очень поздно ночью, и у Сергея появилась возможность зайти к Фатиме домой.

Дома Фатима была куда более раскована. Раскованность высоко ценится на западе, сдержанность и благоразумие – на востоке.

Её дом был довольно большой, старинный. Она жила с матерью, им помогала кухарка и садовник, выполнявший обязанности сторожа. Старуха мать долго расспрашивала Сержа об эх студенческой жизни, о его семье.

– Годам к тридцати пяти появилась усталость от жизненной суеты, – сказал Серж, – понимание того, что у меня полная неразбериха в общении. Настоящих друзей у меня не было, и нет, связи глупые, если не сказать порочные. Мечталось о славе, а добился одних только сплетен. Обман и неприятности от тех, кому доверял, измены и предательство. Наверное, я просто ничего другого не заслуживаю. Так было всегда, с самого детства, мои друзья в школе, в институте – отвернулись от меня. Потом работа. Не было случая, чтобы дружба – не закончилась разочарованием. Если мои друзья не становились мне врагами, мы просто расставались, я забывал их, чтобы вспомнить теперь. Я просто не умею дружить.

Какое-то время я пытался жить, что называется, «не напрягаясь», легко. Легко это, мне казалось, значит с неразумными тратами на знакомых. Дружба для меня занятие совершенно бесполезное, я с некоторых пор довольствуюсь своим собственным обществом. Продолжаю строить бессмысленные, оторванные от реальности планы и проекты.

Очень скоро случилось крушение всех планов и проектов, я понял в насколько плохое я попал окружение.

– Много ошибок в жизни происходит из-за принципа «что хочу, то и делаю», – сказала женщина, мы не достаточно задумываемся о последствиях. Отказ от прошлого приводит к разрушению связей, беспорядочной, неустроенной жизни.

– Мое разочарование в любви происходит наоборот от застенчивости в общении, ранимости, – сказал Серж. – Последствие – одиночество, психологические надрывы.

Очень тяжело я воспринял обман, и предательство моей, как оказалось, слишком горячо любимой супруги. Сестры по несчастью, вынужденной делить со мной общество этого неудачника, мое то есть. Мы два «эмигранта», два провинциала много шумели и спорили. В семье у меня были постоянные встряски, но когда этой семьи не стало, появилось одиночество, пустота. Я всегда перемещался мне не возможно жить на одном месте. Я никуда не ездил, хотя моя профессия подразумевала командировки, боялся их покинуть, к тому же я чувствовал опасности в поездках, боялся неприятностей от иностранцев.

Мы с нею были, по сути, довольно далеки и чужды по духу, наш брак нельзя назвать духовным, между нами, если так можно выразиться, была идеологическая непримиримость и постоянные споры, скандалы.

– Женские капризы, – сказала Фатима.

– Она была очень ненадежная, часто сама говорила, – вспомнил Серж, – что больна психически, это странный брак, отчасти фиктивный. Она была по больному месту. Во мне всегда был страх: сидеть в тюрьме, оказаться в центре скандала. Брак, разрушившийся ее изменой, привлек к себе какое-то общественное мнение.

Когда она меня бросила, мне все стало безразлично. Начались какие-то ненужные разбросанные встречи, еще большая суэта и беспорядочность в жизни. Я чувствовал себя опозоренным ею, и этот позор накапливался как снежный ком, презрение тычки и толчки со всех сторон сыпались на меня и уехать, убежать от этого было невозможно, от себя не убежишь. Если бы у меня хоть были какие-то организаторские способности, чтобы выстроить вокруг себя стену из «легионеров», то хоть на некоторое время я мог бы отгородиться от этого мира. Заторможенный, нелюдимый я ведь трудно и не очень охотно учился. У меня нет должной системы в образовании, с тем, что есть я достиг своего полтоллка, у себя пригороде, я отстал на столетие, не получаю в нужное время нужных сведений. Это не значит, что я самый плохой, я просто заурядный, не могу заинтересовать, раскатать такое же инертное окружение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.